

Александр Шевцов

Пойди туда, не знаю куда

Книга пятая
ПОКАТИГОРОШЕК

Александр Александрович Шевцов
Пойди туда, не знаю куда.
Книга 5. Покатигорошек
Серия «Пойди туда,
не знаю куда», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67392405
Пойди туда, не знаю куда / А. Шевцов: Роцца; Мваново; 2021
ISBN 978-5-6046694-2-6

Аннотация

Заключительный том сказочного романа Александра Шевцова «Пойди туда, не знаю куда».

Содержание

Свет на ум	5
Часть первая	12
Мы возвращаемся!	12
Мы на времени	22
Сероглазый король	29
Возвращение утраченных слов	35
Снова воссели боги	43
Задачи	49
В поисках иных миров	55
Переход	62
Огненная река	68
Беличье гнездо	75
Межмирье	82
Кладбище первовиновников	89
Три вопроса	98
Внутри взрыва	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

**Александр
Шевцов (Андреев)
Пойди туда, не знаю
куда. Книга пятая.
Покатигорошек**

Роман в сказках.

© А. Шевцов, 2021.

© А. Шевцов, иллюстрации, 2021.

© Издательство «Роща», оформление, 2021.

Блог Александра Шевцова «Сказочный мир» на Facebook

Издательство «Роща»

г. Иваново, пр. Ленина 17, а/я 11

izdatelstvo.roscha@yandex.ru

roscha.store

Свет на ум

Пять стихий окружают человека.

Три из них постоянно внутри него: вода, огонь и воздух. Кто-то считает, что там же должна быть и земля, но наши предки так не видели. Они считали, что человек должен оторваться от земли и парить над нею. И поэтому, если у него начинается проступать землистый цвет лица, для русского человека это плохой знак, говорящий о том, что Земля зовет его. Из Земли вышли, в Землю все и уйдем, говорит старая русская поговорка...

И тут земля проступает сразу в двух состояниях: и стихии, из которой мы пытаемся вырваться, и матушки, давшей нам жизнь... Но сын должен однажды уйти из-под материнской опеки. Человек, рожденный Землей, должен стать взрослым и оторваться от нее. Ох как это непросто!

Но когда? И как понять, что готов выйти в свой поход?

Когда наберется сил и поумнеет! Как это называли в старину, когда войдешь в пору! А пора, вернее, Пóра, – это не время, а сила. Та сила, что дает человеку оПоры, то есть возможность встать на свои ноги и идти по жизни самостоятельно. Если вдуматься, именно Пóра, Пóрая сила, и отделяет нас от стихии Земли. Но можно долго думать и так и не додуматься, что именно она позволяет нам поумнеть и оторваться, то есть раскрыть крылья и взлететь...

Почему? Потому что только благодаря ей человек ходит на двух ногах, а душа человека не соприкасается с землей и сохраняет полет. Пусть, пока в теле, душа летает невысоко, но она все же летает! И пока Пóбра держит ее в этом полете, человек не может забыть, что у него есть душа, есть крылья и он рожден, чтобы летать. Но куда стремится человек свой невысокий полет?

Определенно вверх! Определенно к свету! И определенно к уму! И как-то так складывается это все для русского человека, что Верх, Свет и Ум оказываются чем-то единым...

Родившись из земли или праха, человек оказывается погруженным в мир воды и воздуха, которые и наполняют его силами. И он учится, как собирать силу, переходя от грубых сил воды к легким силам воздуха, потому что летать может лишь тот, кто научился обходиться силами этой коварной стихии.

Но этот переход невозможен, если ты не разбудишь в себе огонь. Мы воспринимаем его как жар сердца и узнаем в людях по горящим глазам. Такие люди, в ком раскрылся огонь, становятся яростными и не берегут себя. И чем сильнее разгорается в них этот огонь, тем больше они хотят лететь ввысь, и вся их жизнь похожа на череду непрерывных рывков и прыжков, в которых они пытаются оторваться от земли.

И даже пример бесконечного числа поражений не убеждает тех, в ком есть этот огонь, что все безнадежно. Они про-

должают усилие и в какой-то миг знают, что оторвались и изменили свою природу!

Но лишь оторвавшись и от земли, и от воды, ты оказываешься в стихии, которая высушивает тебя. Люди считают, что воде противоположен огонь. Они заблуждаются, потому что не жили этим. Огонь такой же жидкий, как вода! Он не сжигает тело, он разливается по его членам! Воду сушит воздух! Сушит и порождает жажду!

О, это особая жажда, жажда, заставляющая двигаться даже там, где нет опор, потому что одной силы воздуха тебе не хватает для развития. И вот, духовной жаждою томим, ты, питаешься лишь внутренним огнем, начинаешь поиск силы еще более тонкой, а значит, более действенной. Ты прорываешься сквозь стихию, которая становится теперь, когда ты оторвался от Земли, главным препятствием на твоём пути. Ты прорываешься сквозь Воздух!

Эта стихия наполнена силой, движением и бурями. Но он блаженно ищет бури! И рвется все выше и выше!.. Чтобы что? Чтобы найти того, кто породил вторую часть его природы, которую он и ищет! Он подозревает, что там его ждет Отец, а находит... А находит он, если находит, всегда только Свет! Свет, как и Земля, не внутри наших тел, он снаружи, по другую сторону от Земли.

И этот Свет, если удастся его достичь, становится всем для ищущего, но вот чудо: оказывается, он всегда был тут и никогда не бросал своего сына! Вот только как бы это раз-

глядеть самому и сразу?! Как бы легче нам жилось, если бы мы могли это видеть!

Долгий путь человека, который знал про себя только то, что он Федот да Нетот, привел его однажды в место, где время мчалось так быстро, что за стенками из крыльев чудесной Птицы Рах, что умела гулять по временам, мелькали лишь смутные тени людей, а вспышки тысячи дней слились в протяжный поток света снаружи, в котором совсем исчезла ночь...

И когда скорость движения их странного живого корабля возросла так, что тихий вой множества звуков внешнего мира перерос в мелодичный свист, который Федот узнал как трели своей верной Птицы, сила пришла к нему, он обвел глазами друзей, собравшихся рядом с ним в это мгновение, чтобы вернуть его вместе с его памятью, и обнаружил, что вместе с силой он нашел Вопрос!

Вопросы – нет, не тот словесный мусор, что завершается вопросительной интонацией, а Вопросы, как и Бог, которого заключили в кофейное зерно, – постоянно пытаются ускользнуть от нас. Даже кофею иногда удастся сбежать, и все знают, что за ним непросто уследить! Что уж говорить про Вопрос! Большинство людей даже не подозревает, что этого бога заключили в человеческое зерно, как в зародыш, а он постоянно пытается сбежать от нас, пока мы его не видим!

И сбегает раз за разом, так что глупый человек остается

без вопросов! И очень этому рад...

Но однажды, когда сил воздуха больше не хватает тебе для того, чтобы дышать полной грудью, ты можешь заметить, как тихо пытается сбежать твой Вопрос, и ухватить его за то, что называется хвостиком. У каждого уважающего себя Вопроса есть хвостик, которым он привязан к самой твоей сущности. И если ухватить его за хвостик, то можно подтянуть к себе...

– А что это за пронзительная мысль была мною взята у бога? – повернулся Федот к бледному юноше, сидевшему за столом напротив него.

Все, кто собрался в том путешествии ради возвращения его памяти, замерли, чтобы не спугнуть Вопрос. Кот Баюн начал растворяться в воздухе. Василиса, сидевшая рядом, прижалась плотнее, и тело ее едва заметно задрожало от напряжения. Учитель, пригубивший чашку кофе, заставил напиток замереть у себя во рту. Птица Рах сделала глаза круглыми, а свою трель – тихой, так что стало слышно тишину, и казалось, что это поет Радужная пленка Небесной тверди.

Даже чашка, стоявшая перед пустым местом, где никто не сидел, налилась скрытым свечением...

Глаза юноши вдруг вспыхнули, и юноша бледный со взором горящим ответил:

– Мы должны вернуться!

Свечение вокруг чашки стало ярче и охватило пустоту за ней.

– Мы должны вернуться? – повернулся Федот к пустому светящемуся месту за столом, словно оно могло говорить. И такова была сила его Второго вопроса, брошенного в пустоту, что пустота вернула его Федоту.

– Время пришло. Мы должны вернуться, – раздался откуда глубокий голос.

– Откуда оттуда? – успел подумать Федот. – Из пустоты? Из меня? Из света?

И пронзительный свет вдруг стал виден ему, и это было странно, потому что он всегда был тут, всегда был с ним, всегда был его частью... Отделившейся частью. Той частью самого себя, которую он, оказывается, все время искал, словно потерял. Но говорил же ему Сват Наум когда-то, когда он впервые его нашел, что никогда не отстанет!..

– Позвольте представить вам моего спутника, – сказал он, подымаясь. – Это не сват Наум, это Свет на ум... Сказка не обманула!

И склонил голову в сторону Света в пустом месте. Он поднялся Федотом, а склонил голову уже совсем другим человеком, в которого вспышкой вошла вся его память. И Свет, который был его светом, склонился вместе с ним, поскольку часть целого не может не быть вместе с целым. И получилось, что этим поклоном бывший Федот да Нетот отдавал долг благодарности всем, кто был рядом в этот важный миг.

И все склонили перед ним головы в ответном привет-

ствии, как перед Светлым князем, который вернулся домой из далекого и долгого похода.

Часть первая

Мы возвращаемся!

Свет вернулся и медленно проливался в сознание. Это было похоже на пробуждение от тяжелого сна или возвращение в сознание после обморока. Как если бы ты очнулся после тяжелого удара и обнаружил, что лежишь, а вокруг что-то есть. И это что-то медленно расширяется по мере того, как ты водишь глазами.

Вот только он не лежал и не пропускал удара, от которого отключился... Это происходило прямо внутри того, что он считал обычным собой. Это состояние «обычного себя» было настоящей потерей сознания! Или кошмарным сном! И из него, оказывается, можно было проснуться!

Мир, который был вокруг и который он теперь рассматривал, был все тем же миром, в котором он только что находился. Собственно, ничего не изменилось. Просто он ощущал, что до этого видел его во сне, а теперь видит то же самое на самом деле. И, самое главное, теперь и тот, кто это видел, тоже был на самом деле! Но тот, кто видел, был точно не тот человек, которым он себя только что считал...

Многие люди рассказывают, что выходили из тела и путешествовали душой. Но все это звучит сказочно даже для са-

мого рассказчика. Все время сохраняется сомнение, что это было воображаемое путешествие. И лишь когда удастся на самом деле выйти, ты вдруг понимаешь, что такое *на самом деле*!

Вот такое *на самом деле* вошло в него вместе с пролившимся Светом! Мир на самом деле был. Как если бы до этого он видел не мир, а лишь его образы. Он сам стал на самом деле. И на самом деле появилась возможность учиться, обретать способности и меняться, потому что теперь было кого учить, во что вкладывать знания!

Он вдруг понял, что все, что он про себя знал до этого, было лишь сном о себе! Он вспомнил, что был Федотом, жил в деревне, попал в стрельцы, оттуда поднялся до царева сокольника... А звали его Федотом... Сон! Все это было сном! Целая жизнь Федота теперь ощущалась сном. Так же легко он мог увидеть себя богом, но все это было бы лишь сном о божественности!

А теперь он словно нащупал то, что можно менять, к чему можно прикладывать усилия и что сохранит обретенное! На миг даже стало обидно, что большая жизнь прошла зря и он настоящий ничему не научился. Но свет тут же показал, что эта большая жизнь – только миг, но знания, обретенные даже во сне, остаются твоими знаниями. Их просто надо проверить, настоящие ли они!

И он начал пересмотр всего, что обнаружил в этом состоянии.

Точно был он. В этом сомневаться было нельзя. И точно был Свет. Свет, конечно, был его светом, но все же был еще как-то отдельным от него. Поэтому он отдался осознанию света в себе.

Да, это была часть его, но эта часть словно была отторгнута от него. Как? Стоило задать этот вопрос, как вернулась память: Свет отторгли, когда отторгнуты были его глаза. И теперь, когда он вернул один глаз, Свет приживался обратно, устраиваясь на своем месте поудобнее. И это давало удивительные ощущения настоящести!

Свет входил в него сверху, как бы просачиваясь в какие-то одному ему ведомые полости, и заполнял их, так что телесно ощущалось раздвигание чего-то внутри, так что все его тело гнулось и извивалось вслед за этим движением. Внутри головы свет на мгновение во что-то уперся, и оно раскрылось, словно дверка, и все внутреннее пространство тела озарила вспышка пронзительного света, какой доводилось ему видеть лишь в паучьем гнезде, где жило восприятие бога...

И тут же память о том, как он жил внутри бога и овладевал божественным восприятием, вернулась, улеглась и стала его опытом...

Но Свет проливался все глубже в тело, и с каждой вспышкой что-то из прошлого возвращалось к нему и становилось частью какого-то особого тела. Но пока Свет лился в него, все это не становилось главным, не захватывало его. Лишь

возвращение Света имело значение...

Свет между тем дотек до груди, там уперся в новые ворота и распахнул их, так что еще одна ярчайшая вспышка озарила все его внутреннее пространство и вернула новые объемы памяти. В животе Свет вскрыл со вспышкой еще одни двери, протек до самого дна, открыл выход наружу и потек по каким-то полостям ниже, до колен, словно тело не кончалось там, где кончалось тело. И лишь найдя какую-то полость в пространстве возле колен, Свет остановился в своем движении.

Это пространство раскрылось и начало засасывать его сознание в себя. Но он остановил себя, потому что оно было огромно и хитро. Здесь скрывалась его Древняя Мудрость... И в нем можно было потеряться без учителя. Он распахнул глаза.

Тут же нежная рука схватила его за руку. Он повернулся и увидел прекрасную женщину, глядящую на него сияющими глазами, и вспомнил ее такой же вспышкой. Вспомнил именно ту, что на самом деле, настоящую, его Василису. Он сжал ее руку, не в силах оторваться... Так много было у них в прошлом!

Но тут огромный кот вдруг проявился из воздуха и принялся тереться всем телом о ноги хозяина, заполняя пространство мощным мурлыканьем. И он вспомнил, что кота этого боялись во многих мирах, вспомнил, что звали его Ба-

юном и однажды он выдержал страшную битву, чтобы приручить этого кота!..

Мир словно возвращался к нему кусок за куском с каждым, на кого падал его взгляд. И каждый раз он понимал, что то, что он видел Федотом, было обманом. Он видел и не видел. Это был тот же, но другой мир!

Он поднял глаза, ощущая себя Федотом, и встретился взглядом с Учителем, который напряженно наблюдал за ним через замершую перед ртом чашку. И в тот же миг вернулся огромный кусок его настоящего мира, и он понял, что это не Учитель, а он не Федот. Его любимый брат был перед ним. Старший брат, светлый князь ветров Буревой.

– Здравствуй, Буря! – сказал он учителю и тут же поправил сам себя, ощущая торжественность мгновения. – Приветствую тебя, Светлый князь Буревой!

Брат поставил чашку, шагнул к нему навстречу, обнял, отстранился, держа руками за плечи, и сказал с улыбкой:

– Ну, здравствуй, брат! Как же долго ты спал! Князь Буревой приветствует Светлого князя Ветробоя!

И перед глазами Федота распахнулись миры, уходящие безмерной воронкой ввысь, и в этих мирах его звали Ветробоем или просто Ветром. И он понимал, что это он и это его миры... И ему еще придется принять и их, и себя, потому что он не помнил себя князем...

Он готов был броситься в свои воспоминания, так сладки они были, но с удивлением увидел, что на глазах его старше-

го брата появились слезы. А когда одна слезинка сорвалась с ресницы, он ловко подхватил ее на ладонь и тут же втер себе в то место вверху груди, что называется душкой, и подмигнул брату.

Но когда он подмигивал, Буря подмигнул ему в ответ и тут же подхватил из воздуха такую же слезинку и втер в душу себе. Оказывается, осознал Ветробой, у него тоже стояли слезы в глазах... Слезы, которые ты пролил в душу другого, делают вас ближе братьев по крови...

– Ну, здравствуй, Ветер! – еще раз обнял его старший брат и отпустил, чтобы он мог поздороваться с Василисой, которая все сильнее прижималась к плечу своего любимого.

– Здравствуй, радость моя, – повернулся он к Василисе и обхватил руками, прижимая к своей груди.

– Здравствуй, милый! – всхлипнула она, прижимаясь к его груди. – Как долго я тебя ждала!

– Как долго я спал! – воскликнул он, вытирая слезы о милый запах ее волос.

– Ты так долго спал, что я уже боялась, что ты никогда не проснешься...

И он почувствовал, что грудь его стала влажной от ее слез.

– Так ведь и не проснулся бы, если бы не вы, – шепнул он, целуя ее волосы.

Тут что-то яркое зашевелилось и зашуршало возле него. Он поднял глаза и увидел сначала огромную птицу, а с ней и память о той древней битве, в которой они участвовали вме-

сте, когда он был еще совсем юным. Именно тогда она избрала его своим наездником, и битву устроили в честь его совершеннолетия. Ему пошел пятнадцатый год, и он сумел приручить Птицу, что подтвердило его княжеское происхождение...

Почувствовав, как воспоминания наплывают на него, Василиса отстранилась и ушла смыть с лица следы слез. А князь Ветробой, которого близкие после той битвы прозвали Удалым, подошел к птице, которая была его воздушным конем, гарудой, и приветствовал ее тем жестом, которым у его народа было принято приветствовать своих ездовых птиц. Он взял ее за голову и подставил к ее клюву свой левый глаз.

Она заклекотала и прижалась своим левым глазом к его глазу. Их видение слилось. И Ветробой наполнился памятью о том, как был Удалым и учился смотреть ее глазами и как много они видели вместе...

Затем он точно так же подставил ей свой правый глаз.

– Извини, мой князь, – тихо сказала она. – Я должна вырвать его, потому что он чужой.

Он кивнул:

– Делай что должна, моя Птица!

– Но я припасла вот это, – сказала она и достала откуда-то из перьев на груди черную повязку для глаза.

Ветробой взял повязку из ее клюва, и в тот же миг одним резким и отточенным движением она вырвала его правый глаз и проглотила его.

Василиса тут же приложила к его глазнице белую тряпицу, пропитанную целебным раствором, а брат Буревой взял из его руки повязку и повязал поперх тряпицы.

– Теперь тебе один путь – вернуть свой второй глаз!

Василиса закивала:

– Без него тебе не вернуть свою мудрость, – и улыбнулась печально, показав глазами куда-то вверх над его головой.

Ветробой смотрел на ее улыбку и отчетливо чувствовал, что даже Свет не вернул ему память обо всем, потому что доверял ей, но не понимал. Это было удивительное ощущение: теперь он точно знал, какое тело надо восстанавливать и обучать...

Путь был ясен, и другого для него не было.

Почувствовав это, Баюн взвился в воздух и уселся на его плече, топорща усы и тараща глаза, будто готовился прыгнуть и вцепиться в морду любому чудовищу, что встретится на их пути. И светлый князь ветров, звавшийся в своей юности Удалым, а впоследствии носивший множество разных имен, вдруг почувствовал, как огромный кот, сидящий у него на плече, поглощает остатки того сна, в котором он жил, словно всасывает в себя обрывки ночного тумана.

Слабого он усыплял, сильного укреплял в бодрствовании! И он тут же вспомнил главное: им предстояла жестокая битва!

Ощущение настоящести стало пронзительным, и он снова почувствовал себя князем, словно из памяти это пере-

шло прямо в какое-то тело. А ощутив себя князем, Ветробой вдруг почувствовал себя звонким, словно его пронизали упругие стальные жилы, и повернулся в поисках своего меча. Но обнаружил вместо него юношу бледного со взором горящим. Взор юноши вспыхнул, и он весь подался вперед, в готовности действовать.

– Я люблю тебя, мой старый боевой товарищ! – сказал Ветробой и протянул к нему руку.

В тот же миг юноша бледный превратился во вспышку и метнулся к его руке. А в следующий миг рука князя уже сжимала привычную рукоять меча и сам он гляделся в его зеркальный клинок, который дрожал в его руке, наливаясь яростью.

– Мы возвращаемся! – тихо, но с огромной силой произнес Светлый князь Ветробой, и все вздохнули, будто долго сдерживали дыхание в ожидании этих слов.

– Что ж, сударыня, – повернулся Буря к Гаруде, – как далеко мы улетели?

– Мы как раз подлетаем к твоему Трону, где ты поджидал его в прошлый раз.

– Так правьте на это время, сударыня!

– Дальше в будущее не полетим?

– Не полетим. Нам слишком много надо вспомнить, обсудить... Мы довольно давно не виделись, знаешь ли... И вообще, к битвам надо готовиться. У Трона это будет легче всего...

– А когда остановимся на времени, в этом месте задерживаться не будем?

Буря посмотрел на брата, а потом на Василису с вопросом.

– Нас ведь здесь ничего не держит?

– Я была здесь счастлива, – печально ответила она.

И бывший Федот-Нетот, а теперь светлый князь Ветробой по прозвищу Удалой взял ее руки и начал целовать пальцы, а потом встал перед ней на колени и торжественно спросил:

– Моя княжна, когда я вернусь из этого похода, ты станешь моей женой и взойдешь вместе со мной на трон моего княжества?

Слезы снова полились из ее глаз, она обняла его голову и ответила:

– Ты же знаешь, дурачок, что стану. Впрочем, откуда тебе это знать, ты же видишь совсем недалекое будущее...

– В таком случае, друзья, у меня есть пожелание... Пока я не вернул княжество и наша свадьба не состоялась, я буду зваться Нетотом!

Мы на времени

– Я думаю, нам лучше остановиться посреди ночи... – тихо пробормотала Птица Рах, косясь на князя Буревоя, чтобы не смотреть, как плачет Василиса.

Тот вздрогнул, тоже отвел глаза, кивнул и вернулся к своему кофе. Кофе в его чашке больше не было, одна гуща, он принялся отплевываться, так что Василиса засмушалась своих слез. Нетот покосился на него, улыбнулся и поискал в глубине своего сознания, как наполнять чашки свежим кофе, как это делал Сват Наум.

Эта часть была ему еще не знакома, но он задал вопрос, и ответ пришел вспышкой, после которой все чашки на столе благоухали ярким кофейным ароматом от переполнявшегося их напитка. Чашка брата резко потяжелела, от неожиданности он расплескал часть кофе, и капли помчались вниз, так что Баюн, тершийся о ногу хозяина, с шипением взлетел на кресло.

Но Буревой одним непрерывным движением подхватил чашкой все капли, так что ни одна не долетела до пола, и поднял глаза на брата.

– Похоже, мне придется осваиваться с самим собой, – извинился Нетот, уважительно кивая. – Однако, брат, ты показал мастерство!

– Что ж, пришло время, когда и ты стал задавать мне за-

дачи! И мне нравится это!

– Сколько нам еще лететь до нашей ночи? – спросил Нетот Птицу.

– Уже совсем немного.

– А как потом?

– А потом я подыму вас в небо, и мы полетим до Трона.

– В таком случае, брат, не хочу упустить одну вещь. Давно мечтал из тебя вытрясти, – показал Нетот на угол, из которого его ночной гость доставал разные вещи. – Как ты это делал?

Василиса засмеялась:

– Он весь этот угол исковырял – искал, нет ли какого тайника!

Буревой усмехнулся:

– Пока ты пропадал, я тут тоже времени зря не терял, учился кое-чему! Садись поближе к углу.

Нетот сел и покосился на угол. Угол был как угол. Ничего особенного.

– Что ты хочешь оттуда достать?

– Ну не знаю... Розу с четырьмя шипами, – улыбнулся он Василисе.

– Ну, суй руку в угол. Не гляди даже. Что чуешь?

– Угол чую. Бревна!

– Вот так и не гляди. Теперь просовывай руку сквозь бревна...

– Как ее сквозь бревна просунуть?

– Я тебе помогу. Главное, не гляди глазами. Гляди внутренним оком. Чуешь, что уперся. Забудь про бревно. Это пленка, про которую ты знаешь, что она бревно. А на самом деле ты это только помнишь.

– Ну помню... Чего помню? Я что, топором не махал?

– И это ты только помнишь. И то, что, когда ты рубил дерево, внутри всегда была древесина, ты только помнишь. Это всего лишь случайная последовательность совпадений. Но ты не можешь быть уверен, что так будет во всех случаях. Может попасться и пустое бревно, у которого только снаружи деревянная пленка, понимаешь меня?

– Ну пусть так. И что?

– Так и подтяни именно такой редкий случай, когда там за пленкой пусто. Я тебе помогу. Сделай усилие, увидь, что там ничего нет. Увидел, что пусто?

Нетот неуверенно кивнул.

– Теперь листаем книгу возможностей. Представь, что там такая книга, в которой хранятся все возможные случаи. Ищи возможные наполнения пустоты. Не трать время зря, сразу зови то, в котором там лежит роза... Зови, зови... Вот! Хотя нет! Это ты кувшинку позвал! Кувшинка пойдет? – повернулся он к Василисе.

Василиса закивала.

– Просовывай руку! – крикнул Буревой. – Резко, но легко! – и прикоснулся пальцами к дереву возле руки Нетота.

Дерево вдруг стало податливым, словно гибкая пленка,

пальцы продавили ее, не прорывая, а словно бы раздвигая, и он почувствовал, что прикоснулся к влажному стеблю. Ухватил его и потянул. Стебель натянулся – похоже, это была живая кувшинка из пруда. Нетот потянул сильнее, оборвал стебель и вынул кувшинку. Стебель оказался оборван коротко, почти возле самого цветка. Он растерянно посмотрел на Василису.

Та подпрыгнула, схватила короткий цветок и прижала к груди, показывая, что все хорошо.

– Ты не расстроена? – спросил он. – Такая незадача!

– Ты знаешь, что это первый цветок, который ты подарил мне за долгие годы? – уткнулась она носом в кувшинку.

– Что, вправду первый? – растерялся он.

– Вот! – наклонила она голову вперед с выражением. – Можешь не сомневаться, это самый прекрасный цветок, который я видела за эти годы!

Нетот почесал затылок, как привык делать Федотом.

– Кажется, даже Свет на ум не избавляет мужчину от ощущения себя недоумком в присутствии женщины? – покачал головой старший брат.

– Да уж... Буду исправляться... Птица, долго еще?

– Совсем чуть-чуть осталось, – ответила Птица, искоса поглядывая на цветок в руках Василисы.

– Птица, как-то мне странным показалось, что ты так легко добыла мне повязку на глаз, – сказал Нетот. – У тебя там что, кармашек под перьями?

– У меня?

– У тебя!

– Где?

– Вот здесь, – показал он на перья сбоку груди, поближе к крыльям.

– Да и нет ничего!

– А мне как-то помнится смутно, что знавал я птицу, которая перла все, что блестит!

– Ну не знаю, о чем ты! У тебя было много знакомых птиц!

– А ты случаем не прибрала ли чего-то такого, что мне сейчас может пригодиться?

– Например?

– Да вот, когда я в Голымбу провалился, у меня одно колечко пропало.

– Какое колечко?

– Волосяное колечко!

– Вот это? – добыла она из-под другого крыла маленькое колечко из скрученной темно-каштановой пряди.

– Вот это! – ответил Нетот, забирая колечко.

– Так это я чтобы оно в Голымбе не переварилось...

– Очень хозяйственно, сударыня, – закивал князь Буревой. – Очень хозяйственно!

Птица с достоинством поклонилась ему.

– Что еще? – спросил Нетот, надевая колечко на мизинец.

– Что еще?

– Что еще ты спасла от разрушения и потери?

– Ты о чем?

– О чем и ты!

– Я что-то не помню!

– А вот я помню, что выглядела ты чуточку не так во время нашей первой битвы!

– Что, постарела?

– Нет, похорошела!

– А, это ты про это? – и Птица закатила глаза кверху.

И все заметили, что ее хохолок из похожих на стальные лезвия переливающихся разными цветами перьев скрывает в себе перышко особой красоты с ярким глазом посередине.

– Вернуть не хочешь? – спросил Нетот.

– Конечно! Я для тебя и берегла!

– Я тебе очень признателен! Наклони-ка голову-то!

– А может, я ее поношу, пока она тебе не понадобилась?

– А что это? – спросила Василиса.

Нетот приподнял обруч с пером, охватывавший голову Птицы, так что гляделся, как будто это ее естественная раскраска:

– Шапка-невидимка! У леших добыл... – он задумался и опустил обруч обратно на голову Птицы. – Храни. Ты заслужила, моя верная подруга!

Птица затрясла перьями, прихорашиваясь, уселась и показала глазами на кинжал, который был парой мечу Нетота.

– Ты забыл еще одну вещь.

– Какую?

– Вон на клинке возле самой рукоятки словно гравировка. Не помнишь?

– Точно... Это было на затылке у Шишкá... Как пряжка с шестью ножками. Держало его в подчинении! И там же была еще подковка...

Птица запустила голову к себе в перья возле крыла и достала подковку, на которой был выбит цветок из трех лепестков.

– Точно! Вот следы тех, кто охотился за нашим старшим братом и срубил его Дуб! – протянул Нетот подковку и кинжал брату.

– Вот и определилась наша дорожка! – воскликнул Буревой, раздувая ноздри, словно сдерживал бурю.

– Тогда я взлетаю? – спросила Птица. – Мы почти на времени!

Сероглазый король

– Ну вот, мы почти тогда... – произнесла Птица Рах, и взгляд ее стал отстраненным. – Теперь не промахнуться мимо самого темного часа... Присядьте, сейчас подыматься начнем...

Все расселись по креслам, Баюн перебрался на колени к Василисе. Вокруг что-то изменилось, и мир перестал звучать трелями Небесной тверди, появился какой-то гул. И тут же их шар, наполненный теплом и запахами кофе, вздрогнул и оторвался от пола избы. Вместе с полом и знаменитый ее угол поплыл вниз.

Нетот достал серебряный ефимок, который всегда таскал с собой в кармане, и бросил его на скамейку в волшебный угол. Вроде и не за что было благодарить тех людей, что жили в этой избе через два века после него, но очень хотелось, чтобы этот угол оставался чудесным...

– На развод! – улыбнулся он Василисе. – Чтобы такие углы не перевелись...

Василиса улыбнулась и дотянулась до его щеки губами. Для нее было важно, что он ценил это место, где им довелось недолго побыть вместе во время затишья в бурной жизни.

Дом медленно ушел вниз, и они оказались висящими в ночном небе над спящим селом.

– К Трону? – уточнила Птица.

– К Трону! – подтвердил Буревой.

Птица вдруг взмахнула крылами, отчего разноцветные искры, словно брызги, опали вниз во все стороны, делая тьму еще ярче, расправила крылья, превращаясь в большой плоский ковер, и бесшумно двинулась над спящим миром на север. Крыльями она при этом не махала, а просто скользила по воздушным потокам.

Защита, что до этого держала Птица, ушла, и прохладный ветер обдувал их лица и остужал разгоряченные головы. Нетот тут же снял свой кафтан и набросил на Василису. Они развернули кресла в направлении полета, поставили их в ряд и наслаждались ночным небом и звуками лета, в котором оказались. Птица не спешила, чтобы не застудить их, и они летели довольно долго, лишь бы успеть до первых признаков рассвета.

– Так ты нашел его Дуб? – спросил Буревой.

– Посвиста? – Нетот кивнул. – Теперь я понимаю, что нашел именно его родовой Дуб, его Лесину и его следы. Старый колдун говорил, что он здесь возвращался, когда погибал в других мирах. Он оставил мне этот меч левой руки в дупле. Я долго считал, что это просто нож такой... Налокотник.

– После того как ты пожертвовал собой ради меня, – сказал Буревой, – и тебя порвало и разбросало, я искал и твои части, чтобы вернуть тебя, и его. Но его я найти не смог. И я не знаю, жив ли он... Но я рад, что ты вернулся, – он положил свою руку на руку младшего брата и сжал ее.

– Я тоже не знаю. Но этот нож он положил в дупло уже после того, как Дуб срубили. И если я понимаю, мы примерно в том времени, когда это произошло.

– Да, – покивал Буревоу, – но ты же знаешь, что для нас прошлое не спасение. Если он убит в будущем, то он убит, даже если еще жив сейчас...

– Я еще не восстановился, если честно... И не все знаю, что знал, поэтому я попробую! Даже если он убит!

– Тебе опять придется идти одному. Я должен буду охранять Трон. Василиса будет хранить Замок.

– Не привыкать. Храните гораздо! Пока вы храните, я чувствую, что у меня за спиной все надежно. Лишь бы он был жив...

Буревоу хмыкнул печально:

– Одна женщина встречалась с ним и, похоже, видела его смерть... Видимо, он любил ее, потому что ей была дарована вторая жизнь. Всю эту жизнь она пробыла под очарованием от встречи и написала вот это:

Слава тебе, безысходная боль!

Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,

Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,

Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..

За ночь одну она стала седой».

*Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.
Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.
А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»*

– Он всегда был бабником, – усмехнулся Нетот.

– И я бы не стала верить женским слезам в этом случае, – сказала Василиса. – Вовсе не обязательно, что она видела его мертвым. Она могла так передать свои чувства, когда он ее бросил.

– Или он подстроил свою смерть, – согласился Буревой. – Это он мог!

– Что ж, не будем гадать, – согласился и Нетот. – Путь наш ясен. Для начала мне надо разыскать одного приятеля, который знал дорогу к нему домой.

– Кто это?

Нетот с улыбкой посмотрел на Василису:

– Когда я был большим и лохматым псом, обильно обжитым блохами, мне довелось подружиться с лошадкой, которая была не совсем лошадкой. Звали моего приятеля Коньком-Горбунком. Он обещал вернуться, как только отведет старого колдуна к Посвисту. Ну ты помнишь Лешего, – повернулся он к Буревой. – Они ушли по краю нового мира, что мы сотворили тогда для твоей подруги, которую ты называл Белкой-Летягой.

– Да-да-да! Я понял уже, – задумался Буревой. – Как же нам найти твоего Горбунка...

– Может, Дива поможет? – спросил Нетот, доставая волосяное колечко. – Ты не против, я ее приглашу?

– Или Крук! – усмехнулся Буревой. – Эти мудрецы много всего видали и знают, как находить следы.

– Так что, зову?

– Зови! Хотя они уже ждут тебя.

Нетот принялся тереть волосяное колечко, надетое на мизинец, и почувствовал, как оно разогревается.

– О, летит! Чую! – воскликнул Буревой. – Нравишься ты ей!

– Это вы о ком? – сразу заинтересовалась Василиса.

– Об одной старой богине, – ответил Буревой, улыбаясь. – Из древних. Она его лечащий врач. И, кажется, твоя дальняя родственница.

Нетот успокаивающе погладил Василису по руке:

– Ты же знаешь, я заговоренный от женского глазу...

– Знаю, но... Береженую бог бережет!

– Или богиня! – засмеялся он.

Впереди вдруг показался далекий огонек.

– А нас ждут!

– Кто это? – спросила Василиса. – Лечащий врач?

– Нет, это его наставник Баим держит для нас свет в окошке!

И тут же с разных сторон к ним подлетели огромный во-

рон и яркая птица, каких не видано было в этих краях. Они одновременно крикнули в ответ на их приветствия и полетели рядом с крыльями их ковра-самолета, торжественно сопровождая до дома.

А в светящемся проеме высокой башни, стрелой возносящейся над лесом, стал виден силуэт старого гусяря, который держал для них дверь открытой.

– Ну вот мы и дома, – сказал Буревой. – Каково это, брат, знать, что у тебя есть дом и там тебя ждут?

– Надо было изрядно поскитаться, чтобы эти слова перестали быть только словами... – вдруг осознал Нетот, наблюдая, как спадает внутреннее напряжение и слабость, словно прохладная вода, проливается внутрь тела, покалывая и обжигая его изнутри...

Возвращение утраченных слов

Башня колдуна, стоявшая на Материковом камне, была выше, чем казалась. Это Нетот помнил. Но когда они всей толпой ввалились в нее через дверку, выходящую в пустоту над верхушками деревьев, она оказалась еще и шире, чем была в его памяти, словно подросла и раздалась за это время.

Нетот подошел к Баиму, севшему на трон, чтобы не мешать вновь прибывшим, и поклонился ему. Баим встал и троекратно поцеловал его в щеки по старому русскому обычаю. Василиса сама расцеловала старика. Дива влетела яркой птицей и тут же превратилась в прекрасную и величественную женщину.

Нетот хотел поклониться ей, но свет пролился куда-то еще глубже, и вспышкой пришло понимание, как князь ветров должен поступать в таком случае. И Нетот открыл свое истинное лицо, преклонил колено, склонив голову. Дива тонко улыбнулась, положила руку ему на голову и мягко сказала:

– Встань, князь. Я рада, что ты вернулся. И мне нравится то, что я вижу.

Буревоу раскланялся перед Дивой и тут же предложил ей чувствовать себя хозяйкой в его доме. Баим показывал ему глазами на Нетота и Василису:

– Однако там все готово! – и он показал пальцем вниз башни.

Буревой подхватил Василису под руку, едва она поклонилась Диве, и увел, бросив Нетоту:

– Повел сдавать вашу комнату хозяйке! Ты тут с Дивой пока поговори!

Дива прежде осмотрела Птицу Рах, которая приседала перед ней, распушая перья и слегка приоткрывая крылья, словно делала реверансы. Крук и Баюн тут же попрятались от Дивы за Баима, рассевшись на противоположных сторонах спинки трона, и оттуда настороженно за ней наблюдали. Баюн под ее взглядом даже стал на всякий случай полупрозрачным.

– Древняя! – промурлыкал он почтительно и прижал уши.

Но она погрозила ему пальчиком и повернулась к Нетоту, вглядываясь в него.

– Значит этот паршивец меня дурил, когда тебя в первый раз показывал? – уперла она руки в боки, как будто и Нетот тоже ее дурил.

– О чем ты, богиня? – улыбнулся Нетот.

– Вы братья! Я даже могла бы сразу догадаться, но он навел тень на плетень! Заговорщик!

– Ты считаешь, что это плохо?

– Ну нет, вообще-то... – фыркнула она, отводя глаза. – Молодцы! Ладно, дай-ка я тебя осмотрю, – сказала она уже мягче.

– Мне опять раздеваться?

– Чтобы меня твоя жена возненавидела?! Сними вон все

лишнее! – показала она на кольца и меч.

Нетот вынул меч из ножен и воткнул в пол. Меч задрожал и со вспышкой превратился в бледного юношу со взором горящим. В этот раз он сразу был одет по моде эпохи романтизма.

– Сударыня! – поклонился он Диве.

Дива посмотрела сквозь него и показала на место за столом пальцем. Юноша безропотно повернулся и сел за стол.

– Это тоже, – показала она на локотник, прячущийся в предплечье Нетота.

Нетот извлек кинжал, и Дива вдруг зашипела, отстраняясь от него и невольно двигаясь в сторону Баима.

– Что? – спросил Нетот в недоумении.

Она пальцем показала на слившуюся с клинком гравировку возле рукояти.

– Это было на затылке одного моего друга.

Она показала пальцем себе на шею под основание черепа, подняла волосы и показала Нетоту затылок. Возле того места, где шея входит в череп, по обеим сторонам позвоночника виднелись едва заметные шесть белых пятнышек.

– Что ж, тем больше оснований их разыскать! – сказал Нетот, и сказал с такой тихой силой, что все, кто был в горнице, приподнялись и поклонились Светлому князю, что прозвучал его голосом.

– Птица, пока мы летели, я позвал своих друзей. Ты их помнишь. Разыщи и подымай сюда. Думаю, Древняя, тебе

надо будет посмотреть на него. Быть может, найдешь какие-то подсказки, где искать...

Птица Рах молча повернулась и ушла сквозь стену в том месте, где был выход на Восток.

— Ладно, князь, я вижу, что буду отомщена, — сказала Дива. — Но все же отложи все, что может мне помешать. Повязку с глаза тоженими...

Нетот просто снял свой стрелецкий кафтан и повернулся к ней. Дива принялась его осматривать со всех сторон. Тут поднялись Буревой и Василиса. Василиса еще раз поклонилась Диве.

— Здравствуй, дочка! — ответила та, разглядывая Василису глубоким взглядом.

— Скорее внучка, — улыбнулась в ответ Василиса. — Но, надеюсь, любимая?

— Это мы скоро выясним, — улыбнулась и Дива. — Нам надо завершить то, за чем его посылали. Провести возвращение слов. Не будем тянуть с этим. Баим, Буревой, вы готовы?

Они оба уселись по бокам от Нетота, внимательно глядя на него.

— Не упустите ни одного слова! — приказала она.

Но они и так были предельно сосредоточены.

— Крук, — бросила она ворону. — Закрой нас, чтобы какое-то время никто не мог нас найти...

Ворон что-то прокрипел в ответ.

— Ну-ка помоги, — повернулась она к Василисе, взяла ее

за руку и попросила прикоснуться пальчиком к какому-то месту у Нетота над головой. Василиса улыбнулась Нетоту и потянулась рукой вверх. Все замерли в ожидании.

Дива подправила ее руку, что-то словно хлопнуло внутри головы, и Нетот вдруг увидел череду событий, которые происходили с ним за время его путешествий. Это была огромная череда. Но Дива тут же ее сократила.

– Так, нам нужна только речь... – пробормотала она и принялась делать движения пальцами возле головы Нетота, словно что-то развязывала.

И все лишнее отделялось от потока слов, который шел, оказывается, одновременно с потоком событий, и из этих событий выделялись только те мгновения, когда люди что-то говорили. Но Дива продолжала свое мягкое колдовство, и из разговоров все лишнее тоже уходило в тень, зато вспышками проявлялись лица, даже скорее рты, произносящие слова неведомого языка.

Это порождало удивительное ощущение: вот говорит человек вполне понятные вещи, и вдруг словно что-то высвечивает в его речи слово, которому Нетот просто не придал бы значения, а то и удивился бы этому странному слову, если бы сумел задержаться на нем вниманием. Но человек продолжал говорить, и все тут же забывалось, словно ты слышал и не слышал это слово одновременно...

Внезапно пришло понимание: именно так и происходит в жизни – мы сталкиваемся с богами, мы говорим с ними,

они пытаются нам что-то сказать, иногда сами, иногда сквозь уста другого человека, но мы слышим только ту часть речи, которая имеет для нас значение. И совсем не слышим слова божественной речи! Она лишь помешает нам, смутит покой того, кто сладко спит...

Но теперь все поменялось. Слова, которые Дива выделяла из потока речей, стали самым главным, потому что вся остальная речь была не важна и тут же забывалась. Важно было лишь то, что выделялось в луче света, пролившегося из той точки над его головой, что держала пальцем Василиса. Словно этим движением она открыла дверцу или крышечку, впустив в сознание Нетота поток знаний...

Но Василиса не дала этому длиться, и, как только к Нетоту пришло ощущение, что он услышал последнее нужное слово, она отдернула руку и тут же принялась гладить Нетота по голове:

– Все хорошо? Тебе не больно?

– Что это было? – потрясенно спросил он, ощущая, что это вовсе не такое уж безопасное развлечение – воспринимать этот поток.

– Это твоя мудрость, которую вырвало из тебя вместе с правым глазом, когда тебя раскидали по свету... – ответила Дива. – Они надеялись, что эту свою способность ты утратишь навсегда. Но им не повезло... Ты оказался ловким прохвостом и сумел влюбить в себя богиню мудрости. Способности у тебя нет, но зато у тебя есть сама Мудрость, чтобы

восстановить все утраченное.

– К сожалению, только в моем присутствии, – кивнула Нетоту Василиса.

– А зовут тебя, моя будущая жена, не просто Василиса, а Василиса Премудрая? – пошутил Нетот.

Она засмеялась, но Дива тут же прервала их объяснения:
– Иди к Баиму и пропой ему все, что услышал! Пока снова не ушло...

Баим поднялся и с поклоном уступил трон Диве. А сам сел перед тронном в кресло и взял в руки гусли, показав Нетоту на второе кресло:

– Это Трон могущества, пока ты сидишь возле него, тебе достанет силы произнести все слова, за которыми тебя посылали.

– Посылали? – спросил Нетот, подымая глаза на брата.

– Ты же помнишь, ты ушел от меня, – пояснил Буревоу, усаживаясь рядом, – чтобы найти потерянные слова, которые нужны, чтобы открыть Небесные врата!

– Да, но я ничего не нашел! – невольно воскликнул Нетот, чувствуя, что это слова из прошлого состояния. – Я не чувствовал, что нашел...

Буревоу рассмеялся, заулыбались и Баим с Дивой.

– Ты думаешь, простой человек может понять, что услышал слово из речи богов? Даже слыша эти слова, люди не понимают их, а то, что они не понимают, они не только не могут запомнить, они даже не слышат этого...

– Ну, я и не слышал, – подтвердил Нетот, вспоминая это странное ощущение, когда луч высвечивал внутри речи слова, которые он даже не слышал.

– Ты, но не твоя мудрость! – сказал Баим. – Ты ходил по мирам, которые однажды были сотворены божественным словом. Нельзя войти в мир, не услышав слово, положенное в его основание. Боги даже не входят в те миры, чьи слова не в силах прочесть. Рассказывай, что тебе сейчас открылось.

– Верни мне мои слова! – сказала Дива и прикрыла глаза веками, словно собиралась слушать всем своим естеством. – Верни то, что у меня отобрали силой!

Снова воссели боги

Василиса подошла к нему со спины и положила руки на голову. Буревой приказал движением глаз бледному юноше охранять вход. Баим положил гусли на колени. Глядя на них и Диву, сидящую на троне, Нетот вспомнил древние строки:
– Снова уселись боги на троны могущества...

Что-то торжественное творилось вокруг...

Нетот мягко прижал руки Василисы к своей голове и внутренним усилием вернул себя в то удивительное состояние, в котором открылась ему безмерная воронка звучащих событий, и зазвучал ее вязью, в которой слова складывались в плетение, подобное пению птиц. А Баим тут же вплетал эти слова в звуки гусель, чтобы они уже не утратились. Это было похоже на то, как однажды они с Баимом и братом, который был тогда Учителем, плели обереги вокруг домика, в котором женщина, исполняя древнее пророчество, превращалась в олениху...

А Дива сидела на Троне, прикрыв глаза, чтобы не пропустить ни слова, и впитывала эту дивную гудьбу, словно сому или нектар, напиток бессмертия богов, живую воду. И лицо ее с каждым новым вернувшимся словом расправлялось, молодело и наполнялось светлой красотой, перед которой не могли бы не склониться даже боги...

Слова, которые пропевал Нетот, несмотря на все преоб-

ражения, произошедшие с ним за последнее время, оставались ему непонятны. А вот Буревой с Баимом, похоже, их узнавали и очень радовались, что слышат их. Буревой даже качал головой, жмурясь от наслаждения, когда повторял за Нетотом его звучание. Баим же, прикусив губу, просто переносил каждое слово в звучание гусель.

Но когда Нетот исчерпался, а Василиса отняла руки и принялась гладить Нетота по голове, Дива, не открывая глаз, кивнула Баиму:

– Играй, мой певец!

Баим заиграл ту же гудьбу, что создал вслед за Нетотом, а Дива тихо запела, но теперь так, что Нетот понимал все, понимая и то, что это те же самые слова, но произнесенные по-русски:

*Я двигаюсь с Рудрами, с Васу,
Я с Адитьями и со всеми Богами,
Я несу обоих: Митру и Варуну.
Я несу Индру и Агни, я несу обоих Ашвинов.
Я – повелительница, собирательница сокровищ,
Сведущая, первая из достойных жертвоприношения.
Меня распределили боги по многим местам,
Меня, имеющую много пристанищ, принимающую много
видов...*

Долго висела тишина, когда завершила богиня свою тихую песню. Такая тишина бывает только после грома, но

не были ее слова громом и были громче грома.

Василиса сняла руки с головы Нетота, подошла к трону и встала перед сидящей на нем на колени:

– Позволь поклониться тебе, Матушка Вяч, без которой мудрость не была бы возможной в мире людей!

Вяч открыла глаза, посмотрела на Василису, и из ее глаз пролилось сияние:

– Я благословляю тебя, девочка! Скоро ты сможешь выйти из своего заточения и вернешь свой настоящий вид!

Затем она обвела взглядом собравшихся, и каждый из них чувствовал, что наполняется силой. Она улыбнулась Баиму:

– Ты будешь вознагражден, мой верный слуга, мой певец!

Баим упал перед ней на колени, склонившись в земном поклоне.

– Подымись, ты достоин меня лицезреть, – сказала она, протягивая в его сторону руку и касаясь его седой головы.

Но когда он поднялся, не в силах не выполнить ее повеления, он был молодым и стройным, словно ее касание сняло с него много-много лет.

– Ты моя богиня! – произнес он, глядя на нее светящимися глазами. – Ты моя Божественная речь, которой я служу своими гусями!

– Да, мой верный Баим, я снова Вяч, вы вернули мне слова, которые у меня отобрали, когда превратили в рабыню новых богов! И я снова Божественная речь, а значит, мне послушна Радужная пленка, защищающая Небесную твердь, и

Врата Небес, Врата, за которыми живут боги, откроются перед моим именем!

Из глаз Баима брызнули слезы... Василиса за спиной Нетота тоже тихо плакала. Нетот вдруг понял, что Дива – это не имя, это просто богиня! А звалась эта Дива Божественной Речью – Вяч, от которой в русском языке сохранилось только «вякать»... Да в памяти смутная связь с Вече, которого уже давно не бывало на Руси...

– Я нарекаю тебя своим певцом, а потому часть моего имени переходит в твое. Отныне ты будешь зваться Вещий Баим! – торжественно произнесла она и коснулась пальцами его губ. Как прикосновение к губам могло преобразить глаза, Нетот не понимал, но глаза Баима вдруг распахнулись и налились непередаваемой глубиной, будто стали колодцами памяти, в которых хранились рассказы обо всех деяниях богов...

Баим, не в силах удержать такой дар, опустил в свое кресло, а Буревой поднялся и шагнул вперед. Его движение подхватило Нетота, он шагнул следом, и они с братом вместе преклонили колена перед Богиней.

– О вы, воспетые в древнем гимне под именем Рудр, ловкие прохвосты и мошенники! – засмеялась она. – Я всегда вас любила и верила в вас!

– Мы твои преданные слуги, Древняя! – ответил Буревой, склоняя голову. И Нетот понял, что давно знает и эту боги-

ню, и ее имена. – Мы ветры, мы служим воздуху, а значит, Речи!

– Я знаю, сынки, я знаю! И никогда в вас не сомневалась. Но ты, пройдоха, – показала она пальцем на Буревоя, – сумел обмануть свою тетку! Ты мне подсунил этого в таком виде, что даже я не узнала его!

– Ты сама учила этому искусству, тетушка! Это же ты говорила, что речь дана как для того, чтобы открывать истины, так и для того, чтобы их прятать! – вскинул он брови, глядя на нее чистыми глазами.

– Ох, проказники! – покачала она головой. – Вы всегда были сорванцами!

Они оба печально вздохнули и развели руками, словно признавая за собой такой грех.

– Встаньте! – приказала она им.

Они поднялись, готовые услышать важные слова.

– Вот теперь я объявляю вам то, что вы уже знаете: мы возвращаемся! Мы можем открыть Небесные врата. Но мы не возвращаемся! Мы не можем вернуться, пока вы не найдете старшего брата. И пока не вернете всю его силу, – показала она на Нетота.

Они оба поклонились.

– Ветробой, младший из братьев-ветров, звавшихся в прошлые времена Марутами, что тебе нужно, чтобы ты вернул свою полноту и свое княжество?

– Мне нужно найти путь, который хранит та, чью голо-

ву украшает мой глаз, – ответил Нетот. И мне нужно найти путь, который ведет в мир нашего старшего брата.

Она покивала:

– Возможно, это один и тот же путь... Что-то мне подсказывает это. Что тебе для этого нужно?

– Мне нужен маленький человечек, который провожал старого колдуна и его лошадку до перехода в царство нашего брата, – Нетот повернулся к Буревою. – Ты помнишь, когда родился мир Белки-Летяги, ты отправил его провожать их?

Буревой покивал:

– Думаю, Летяга поможет нам. Я дал ей это имя, чтобы она всегда оставалась в мире нашей силы, в мире воздуха... Поэтому до перехода ты доберешься легко.

– Я тоже так думаю, – согласился Нетот. – Но как найти путь дальше? Та лошадка обещала меня проводить к своему Хозяину. И я сейчас чувствую, что она могла вернуться за мной. Как ее найти?

Дива засмеялась мелодичным смехом, показывая на кольца, которые Нетот снял, когда она осматривала его:

– Тебе бы только оказаться в том мире. А там ты спросишь у Звезд, спросишь у Луны, спросишь у Солнцевой сестры. Они высоко летают, все видят. Небось, разыщут для тебя одну лошадку!..

Задачи

Преобразившаяся богиня, которую в глубокой древности звали Вяч, поднялась со своего трона, подошла к Нетоту и поцеловала его:

– Я ценю твою службу, князь.

Нетот поклонился и спросил:

– Скажи еще, почему мы не можем подняться к Вратам прямо сейчас?

– Мы можем, но посоветуемся с твоей избранницей, и она скажет нам, что подождать будет мудрее, – повернулась Дива к Василисе.

Василиса с поклоном подтвердила ее слова.

– Я не настаиваю, – ответил он, – я просто хочу знать, чем мы располагаем.

– Да, право входа на Небеса мы себе обеспечили. Но мы не обеспечили себе право силы. Входить в мир силы слабым – значит обречь себя на потерю чести и достоинства. Нам не смогут не предоставить место за столом, но это место будет ниже, чем мы имели раньше. И если мы его не примем, все будут только рады, а если примем, то это останется навсегда. И тогда нам предстоит долгая и кровопролитная война... Да-же череда войн!

– Тогда поставь мне точную задачу, – сказал он. – Так, чтобы я видел, как она вписывается в наши общие задачи.

Дива снова уселась на трон и произнесла:

– Скажу в самых простых образах, назову то, что очевидно. Мы долго были в изгнании, и этого времени должно было хватить для урока. Наш мир там! Значит, его надо ценить. И за него стоит сражаться. Все ли согласны?

Буревой, Василиса, Баим дружно кивнули. Ворон перелетел на подлокотник кресла Буревоя и тоже каркнул. Даже Баюн перескочил на колени к Василисе и замурлыкал, выражая согласие.

Один Нетот молчал, думая. Дива перевела глаза на него. И хоть теперь сознание Нетота было ясным, все же он почувствовал, что выискивает нужные слова, будто подбирая те, что соответствуют содержанию его понятий. Раньше он просто согласился бы с общим мнением, но сейчас просто не мог пройти как все.

– Я вспомнил многое из своего прошлого. Я даже узнаю вас всех, – тихо заговорил он. – Но я не помню того мира, что зовется Небесами. И я не знаю, что там за жизнь и почему я должен ее хотеть. Вы богаче меня памятью... Мне было хорошо во всех мирах, где я оказывался. Сама драка доставляет мне наслаждение. Поэтому мне хорошо и без Небес. Но мне не хорошо без вас. Поэтому я буду делать то, что вы мне скажете. Просто потому, что вам это надо. И я буду делать это честно, насколько умею. Достаточно ли будет этой моей присяги на верность?

Дива улыбнулась ему:

– Достаточно, мой витязь битвы. Просто сражайся, а поймешь и примешь тогда, когда распробуешь. Твоя присяга принята.

Она обвела глазами остальных и одарила каждого улыбкой, предназначенной только ему:

– И ваши присяги приняты! Мы возвращаемся, но тогда, когда соберем всю силу, которую сможем разыскать в этих мирах. Поэтому мы возвращаемся, медленно и хорошо готовя победу... А сейчас, хозяин, устрой-ка нам пир!

Все поднялись, Буревой тут же увеличил стол, чтобы хватило на всех, извлек из воздуха дополнительные кресла, в дальнем углу горницы появился стол, полный яств, и юноша бледный тут же оказался возле него, готовый подавать их на стол. Но в этот миг гаруда вернулась в башню, неся на спине огромного медведя, в шкуре которого прятался шишок. Птица стряхнула их с себя и тут же уцепила шишка клювом за воротник.

– Этот, – показала на него Птица Рах, швырнув к ногам Дивы, – пытался увильнуть...

– Он работал на наших врагов, – пояснил Нетот и достал свой кинжал. – Вот это было у него на шее.

– Подойди, – сказала Дива, пронзительно глядя на шишка. Того подняло в воздух и подтащило к богине, словно тряпичную куклу.

– Покажи-ка мне, дружок, свой затылок... – пробормотала она, а сама протянула руку к ножу Нетота.

Нетот отдал ей нож, она поднесла его к загривку шишка, и вдруг гравировка на клинке ожила, превратилась в пряжку, отделилась от металла, словно вытащила себя из него, и, выпустив шесть ножек, побежала по клинку к шее беспомощно висевшего в воздухе человечка. Шишок завизжал.

Но Дива не дала пряжке впиться в шею шишка. Она оставила ее в воздухе и, не прикасаясь к ней руками, принялась рассматривать те связи, что снова возникли между пряжкой и тем местом на шее шишка, куда она была уставлена.

Нетот взгляделся сквозь ее видение, и вдруг лицо из далекого прошлого всплыло в его сознании. Он не помнил, кто это, не знал имени, он даже не смог бы сказать, что этот человек или кто он там был, неприятен ему. Но он знал, что за этим лицом скрывается страшная опасность.

Дива подняла на него глаза, разглядывая лицо, всплывшее в его сознании, кивнула и сделала короткое движение рукой, так что пряжка вместе с лицом оказались в светящемся шаре, словно в колбе.

– Это улика, – сказал Буревой.

– Да, это то, что мы можем предъявить... – задумчиво кивнула она и отпустила шишка на пол. – Больше тебе ничто не угрожает.

Шишок растекся по полу, кивая ей.

– Ты отработаешь все, что должен. – Он опять закивал. – Служба не будет тебе неприятной, потому что ты сам избрал

ее. Ты будешь служить ему, – показал Дива на Нетота.

Шишок метнулся к ноге Нетота, обхватил ее и спрятался за ней, глядя оттуда на Диву огромными глазами.

– Но если понадобится, ты отдашь за него жизнь!

Шишок закивал, а медведь вдруг рывкнул человеческим голосом:

– И я отдам!

Все уже забыли про медведя, и потому с некоторым недоумением повернулись на голос.

– Э, да... – смутился он.

– Посмотрим, не сгодишься ли ты на кое-что большее, – засмеялся Буревой. – Нам как раз нужен кто-то, кто будет накрывать на стол!

Медведь подпрыгнул и бросился к столу с яствами, но Дива остановила его движением руки.

– Вы оба пойдете с вашим князем в поход. И если ваш поход будет удачным и вы принесете нам победу, я позволю вам завести семьи и стать основателями новых родов, которые станут славными в будущей истории! Все ваши прошлые дела будут прощены, а ваши заслуги сделают вас существами силы!

Шишок сразу же упал на пол и закивал изо всех сил. Медведь соображал туго, но когда до него дошло, что ему только что было обещано, он спросил, с трудом выговаривая слова:

– И я смогу всегда говорить языком человека?

– Да, я Божественная Речь, я дарую тебе это право сейчас,

и если ты пройдешь все ваши битвы честно, оно сохранится за тобой навсегда.

Медведь засопел, опустился на колени и низко поклонился богине.

– А теперь пир! – махнула она рукой. – А ты, Птица, за свою верную службу и бесконечную преданность получаешь право сидеть за одним столом с богами и не прислуживать им!

Птица заклекотала и принялась распушать перья на крыльях и хвосте.

– Но только после того, как запомнишь все, что вы добыли с твоим хозяином и что Баим переложил на гудьбу, – улыбнулась Дива и движением пальца направила Птицу Рах к Баиму, который тут же возложил пальцы на струны.

– Если даже со мной что-то случится, – повернулась она к Нетоту, Буревою и Василисе, – эта птица всегда будет вашим ключом к Вратам... Береженого и боги берегут!

В поисках иных миров

Древние умели думать о том, как ходить в другие миры. Поэтому их мировоззрение предполагало, что даже смерть есть переход совсем не в Ничто, а в иной мир. Приняв материалистическую веру, современный человек не просто отказал себе в бессмертии, отрекся от души, утратил возможность чуда...

Он проиграл огромную битву, отдав врагам сразу множество миров! Наш мир резко схлопнулся и стал глобальной деревней, в которой нам тесно уже сейчас, когда у нас плохая связь и очень медленный транспорт. Дальше теснота будет нарастать вместе с давлением, как в котле, из которого нет выхода для пара...

В тесном мире нет места не только подвигу, но и мужчине, он здесь не нужен. Поэтому, хотим мы того или не хотим, но лицо человечества будет меняться, мужская часть его будет смягчать, пока не отгниет окончательно. Мужчина должен открывать новые миры и пути в них. И чем это труднее, тем больше мужества для этого требуется! Мужества и ума!

Птица Рах, снова превратившись в ковер-самолет, доставила Нетота с его братом Буревоем и двумя помощниками — шишкой и медведем-человеком по имени Медведко-Иванко к тому дереву, под которым когда-то очень давно Нетот и Буревой смотрели, как разворачивается новый мир богини

по имени Белка-Летяга. Кота Баюна Нетот оставил охранять Василису.

Дерево было на месте, а вот Белкиного мира, естественно, не было. Да и с чего бы ему было тут быть? Мы же понимаем, что миры зарождаются и отпочковываются от нашего мира не единожды. Это вполне естественная вещь для миров – созреть и разродиться плодом. В этом смысле все, что есть в мире, создано по образу и подобию мира, а микрокосм подобен Космосу. Но и наоборот: если мы рожаем свое продолжение, если оно рождается у зверей и растений, значит, так устроен Космос!

Допущение очевидное, но почему-то мало осмысленное философами. Впрочем, философы, возможно, и сами не верят в то, что изучают как начала философии. Они не видящие, они эрудиты! И потому они и не допускают мысли, что то, что они считают глубинами философской мысли, надо понимать буквально! Глубины-то глубинами, но мы все же не всерьез, верно?..

Для таких, как Нетот или Медведко-Иванко, *не всерьез* может означать только *со смехом*! Смеяться такие простые парни горазды. Но никому, кто знаком с Божественной Ре-чью, и в голову не придет усомниться в ее слове. Раз мы созданы по образу и подобию мира, значит, мир может разродиться мирёночком. И этот мирёночек должен быть где-то недалеко от мамы. Или папы! Кажется, у миров рожать могут и папы...

Во всяком случае, если Зевс рожал то из бедра, а то из головы, о чем-то же это должно говорить?

Мирёночек должен быть поблизости! Это для людей очевидно и ожидаемо. Но где это поблизости? И как это близко для новорожденных миров? Может, они просто включают сходу вторую космическую и рвут во все лопатки подальше, памятуя, как папа Кронос пожирал своих деток! Это ведь тоже не случайные слова!

В общем, они стояли возле дерева, перед которым расстилалась заболоченная низина с лугами и перелесками и не было никаких следов отошедшего мира. Точнее, только следы его ухода. Таких следов на земле довольно много, мы все их видели неоднократно, но не узнавали. Как выглядит место, где родился новый мир?

Словно болотистая низина, поросшая кустарниками и низкими деревцами. Крупные деревья торчат в виде сухих стволов с осыпавшимися ветками. Кажется, что это почва здесь такая, что деревья не выживают. Но это не так! Это же очевидно: раз деревья смогли вырасти до своего размера, значит, почва была, какой нужно. А потом что-то изменилось, и большие деревья засохли посреди обильной воды.

Правда, вы не раз видели такие проплешины, которые могут тянуться на сотни метров, а то и на километры? Что здесь произошло?

Здесь родился и отделился от земли новый мир, мирёночек. Когда новый мир рождается, он захватывает с собой

верхний слой земли, чтобы сразу быть живым. Сворачиваясь в шар, он сворачивает всю почву, которую сумел охватить. И в итоге он очень похож на свою маму – снизу земля с травой и деревьями, сверху небо. Все как у больших миров! В мирёночках, которые отделяются от нашей земли, сразу можно жить. В других, что не от нашей земли, – по-разному.

Но как только мир, сворачиваясь, забирает слой земли, родившая его мать начинает заращивать рану, затягивая ее почвой. И почва течет в образовавшуюся низину вместе с водой, травой и деревьями. Рана стягивается, закрываясь от краев к середине. Трава прекрасно приживается в таких местах, а вот деревья не всегда. И потребуются еще десятки, а может, и сотни лет, чтобы это место окончательно слилось с окружающей землей.

Но внимательный человек может обнаружить еще кое-какие следы рождения мира. В самом центре пустоши остается как бы след пуповины, этаким глаз, куда стекались потоки почвы, затягивавшей рану. Там внимательный человек может найти глазок, через который мама-земля следит за своим детищем. Это такое круглое образование, иногда совсем небольшое, вроде округлого холмика с ямкой, иногда большая лужа или даже озерко.

В самом центре его остается кусочек пуповины, которым мирёночек был связан со своей мамой. Эта пуповина земная, поэтому, засыхая, она превращается в кристалл, подобный молнии, оплавившей песок. Люди, находившие пупови-

ны земли, называли их в старину, как и следы молний, перунами. Но это совсем не перуны, конечно, хотя и стрелы.

Эти земные стрелы хранят в себе полет. Удивительное дело, но та устремленность мирёнка, что позволила ему оторваться от материнского тела, оказывается, может быть схвачена и сохранена в земляном кристалле и продолжает жить как постоянное движение, остановленное в миг отвердения. Это остановленное в порыве движение всегда направленно, а потому всегда показывает, где искать новый мир.

Они стояли под деревом, откуда однажды наблюдали, как новый мир сворачивается в огромный шар. Границы этого мира вздымались все выше, и было видно, как старый колдун Леший, шишок и лошадка по имени Конек-горбунок поднимаются по дороге, уходящей все выше, чтобы дойти до перевала, с которого можно будет пройти в мир хозяина лошадки.

Буревой восстановил ту картину перед их глазами, и Нетот показал шишку на то место высоко вверху, куда устремлялась дорога:

– Вот там я вас видел в последний раз. После этого вы исчезли.

– Да, там был перевал, – подтвердил шишок.

– Если ты окажешься в том месте снова, ты найдешь путь в его царство?

– Я ведь должен был проводить их только до перевала. Я

не ходил дальше...

– Совсем?

– Ну, – замялся шишок, – только самую малость проводил...

– То есть, – вмешался Бурево́й, – там ты смог бы показать не только направление, но и узнал бы, та ли это дорога?

– Конечно, господин, – закивал шишок. – Жаль, что на перевал не попасть отсюда.

– Нет, вам надо попасть к Белке и пройти вон туда в ее мире. Запомнили эту картину?

Все закивали, даже Медведко.

– Тогда ищем путь к Белке.

– Разве ты не знаешь, где она? – спросил Нетот. – Ты же помогал ей. И она звала нас к себе в гости.

– Ее мир еще не установился, не нашел своего места. Поэтому вам придется идти по его следу. К тому же без меня. Я возвращаюсь к Трону. Теперь, когда богиня вернула свою речь, опасности возросли... А я все же страж!

– В таком случае мы идем искать стрелу, – обнял его Нетот. – Удачи тебе, брат.

– Удачи вам! Вас ждет гораздо больше опасностей!

Бурево́й ударился о землю грудью, превратился в сокола и улетел, подняв кучу сухой травы и листьев, которые еще долго кружились в вихрях, показывая его путь. Нетот глядел на них, думая о том, что мир Белки придется искать примерно по таким же следам...

– Ну что, моя подружка, – сказал он задумчиво, не отрываясь от созерцания этого воздушного танца, – в этом путешествии мне будет удобнее, если ты снова станешь ружьем, чтобы не пугать тех, кто нам встретится.

Гаруда издала один из своих странных мелодичных звуков и обратилась в ружье, которое упало на руки Нетота. Он забросил ружье за плечо, поправил портупею с мечом, проверил, на месте ли налокотник, и повернулся к низине, высматривая, где может быть ее середина.

Переход

Нетот сначала попытался на глаз определить, какое именно место может быть той середкой, в которой скрывается стрелка пуповины. Место, где они стояли, было выше середины низины, оставшейся от новорожденного мира Летяги, но даже это не помогало – площадь низины была слишком велика, а все озерки и болотные бочажки были на одно лицо.

Поэтому Федот выбрал приметное дерево на дальнем конце низины напротив их дерева, провел мысленную черту, соединяющую оба дерева через середину низины, и постарался запомнить, какие из болотных бочажков находятся на ней. А заодно и приметы тех мест, что примыкали к середине. Голос Медведко вывел его из этой работы.

– А он кто?

– Мой брат, – ответил Нетот.

– Это я понял. А кто он?

– Ну, раньше его звали Буря-богатырь...

– Он Буря, ты Ветробой... Это вы как-то с ветрами связаны?

– Ну да, мы как-то связаны с ветрами... или с воздухом... были, – подтвердил Нетот, – Но я плохо помню... Давно было. Да и ладно, пошагали! – он потрепал Медведко по голове. – Наша задача – найти самую середину этой болотины, где Белкин мир от земли отрывался... Шишок, ничего не чу-

ешь?

Шишок забрался на загривок к медведю, взгляделся в болотистую низину и развел руками:

– Хоть убей! Такому нас, видно, не учили! Потому мы и служим таким, как вы...

Нетот пристроил ружье поудобнее, поправил ножны с мечом и пошагал вниз. Медведко с шишком на шее потрусил рядом. Мир стал привычным, а такую жизнь они любили!

Внизу ощущение четкости и понятности ушло, болотца все оказались на одно лицо, какое находится на линии между деревьями, а какое нет, понять стало невозможно. Нетот постоянно выверял эту срединную линию, прокидывая ее заново между теми деревьями. Но одно дело натягивать такую струну от дерева к дереву, совсем другое – находясь посередине между ними: как убедиться, что ты провел ее точно?

Прямой эта линия является только от тебя до одного дерева и от тебя до другого. А вместе они обязательно превращаются в ломаную. Но хуже оказалось то, что вода в бочагах была темной, торфяной, и рассмотреть под ней земляное кольцо, внутри которого может скрываться отсохшая пуповина, было трудно.

В конце концов Нетот так запутался, что выбрал холмик в стороне от середины низины и решил с него рассмотреть все место заново, а заодно и отдохнуть на сухом. Забрался и присел на поросшую травой землю. Шишок уселся рядом, а

Медведко плюхнулся с другой стороны. И тут же подскочил с воем.

У него из задницы торчала большая заноза, похожая на вытянутую грушу с острием на одном конце и небольшим шаром на другом.

– Замри! – закричал Нетот, видя, как Медведко норовит лапой сбить занозу.

Медведко замер, вытаращив глаза, и Нетот вытащил занозу из его шкуры. Это и была стрелка. А в земле, куда присел медведь, осталось круглое углубление, в самой середине которого поблескивала каменная чашечка, как раз под размер широкой части грушевидной стрелки.

– Ну почему место пуповины должно было быть точно посередине болотины! – внутренне выругался на себя Нетот. – Еще хорошо крест не провел от двух других деревьев!

Действительно, почему середина местности должна быть геометрической и высчитываемой математически? А она живая и вышла наружу там, где ей удобней! Может, поэтому наука и потеряла множество важнейших вещей в этом живом мире, начиная с души, что она их пытается заставить слушаться математики? А живое математики не знает, и ему как-то все равно, что люди считают ее точной и вообще наукой!

Стрелка, удивительно легкая, словно полая, лежала на ладони Нетота, а Медведко пытался дотянуться до своей задницы, чтобы ее зализать.

– Однако силен ты, братец, задним умом! – сказал ему Нетот, разглядывая этот странный кристалл. – Найдем Белку, подарю ей на память...

Теперь перед ним стояла задача, как заставить эту стрелку работать, но как он ее ни крутил, она никакого направления не показывала. Медведюга при этом продолжал возиться, и поскольку просто дотянуться до задницы у него не получалось, он уселся на другую ягодицу, а больную ногу принялся тянуть кверху, чтобылизать пораненное место.

– Слушай, поди сядь в лужу! – предложил Нетот, но тут же поймал себя на этой мысли. – Хотя, погоди, дай-ка я...

Он спустился с холмика и пустил стрелку в маленькую, похожую на котелок, ямку с водой. Стрелка мало того что не утонула, она еще и развернулась острием в определенном направлении. Нетот пальцем отвел острие в сторону, но оно снова развернулось туда же. Шишок тоже присел рядом на корточки и попробовал ее отвести в другую сторону, но она вернулась. Нетот с шишком молча переглянулись.

Нетот забрал стрелку, завернул ее в тряпицу и спрятал в свою стрелецкую шапку, и они с шишком пошагали в ту сторону, куда указывала стрелка. Медведь заметил, что они ушли, когда они были уже далеко, взревел, подпрыгнул и напрямик через болотины рванул за ними, так что со всех луж поднялись с хлопаньем крыльев болотные птицы.

Так шли они несколько дней, и стрелка каждый раз, стояло только ей оказаться в воде, показывала им путь. Теперь,

казалось, ничто не сможет их остановить. И даже то, что путь их пролегал через очень странные земли, которых Нетот не мог себе представить в этих местах, их не смущало. Пока...

Пока они не уперлись в Огненную реку!

Вот такого точно представить в этих местах Владимирского заборья было невозможно. Ну странные деревья, ну каменистые пустоши, травы неведомые, какие в этих местах и не виданы... Все как-то можно допустить. Но чтобы перед тобой текла белесая река, покрытая серым пеплом, из-под которого пробиваются искорки... Это – ну никак!

Но вот она – Огненная река, а стрелка упорно толкает: вам за нее!

Нетот попытался подойти поближе к реке, но уже за несколько шагов от нее жар становился пугающим. Трава по самому берегу давно выгорела, поэтому берега были черными. Та, что росла подальше, пожухла, и река текла, словно обведенная полосами разного цвета.

Как ни странно, но над ней летало несколько красных стрекоз, гоняясь за взлетающими кусочками пепла, которые местами вились над поверхностью реки, словно мошки, исполняющие брачные пляски. Вероятно, над водой из-за жара возникали маленькие вихри...

Они пошли вверх по течению, надеясь найти переправу. Переправы не было. Пошли вниз, а Нетот думал, что делать, если окажется, что есть брод из камней, торчащих из-под воды. Он подобрал ветку и бросил в воду. Ветка пробила слой

пепла, из-под него вырвались языки пламени, и ветка мгновенно превратилась в такой же пепел, а промоина затянулась...

На брод рассчитывать не приходилось, это очевидно. Тогда что? Упавшее поперек дерево? Речка была не широка, но не настолько, чтобы обычное дерево ее перекрыло... Он уже начал думать, что придется перелететь через реку коршуном и дальше идти одному, но тут они увидели такое, что челюсти отвисли у всех троих.

Возле противоположного берега стояла лодка, скорее челн, сделанный из изогнутых прутьев, обтянутых шкурой какого-то зверя. А в нем сидел голый крохотный ребенок и играл с веслом, которое торчало из челна. Этот челн почему-то не горел, словно шкура, обтягивающая его, была снята с огненного дракона...

Огненная река

Ребенок был голый, темный, словно прокаленный, и не выглядел умирающим с голоду. Он даже гулил, пытаясь уронить весло в челн. Весло, видно, за что-то зацепилось, и поэтому, когда он хватал его за лопасть, крутилось, но не падало, и ребенка это забавляло.

– Похоже, это перевозчик, – сказал Нетот, но не услышал ответа. Все были в растерянности.

Нетот вспомнил, что таким перевозчикам полагается платить, сунул руку в карман, но не нащупал привычного ефимка – сам же бросил его в угол избы, когда улетали...

– Ты сможешь принести три золотые монеты? – спросил он шишка.

Шишок оторопел и отрицательно помотал головой.

– Да я верну, как только смогу!

Шишок опять замотал головой:

– Ты не представляешь, как далеко мы ушли! Я отсюда не доберусь до своего клада. А потом один дорогу обратно не найду!

– Да вроде недолго шли, – подивился Нетот.

Шишок распахнул глаза:

– Ты что! Мы же между мирами шли! Тут и время другое, и расстояние...

– То-то я наших мест не узнавал...

Они растерянно потоптались напротив ребенка, пытаясь привлечь его внимание. Нетот посвистел, Медведко походил на задних лапах и покувыркался... Перевозчик был занят своей игрушкой и в их сторону даже не смотрел.

— А почему он такой маленький? — спросил Медведко. — Он же нас и не перевезет даже...

— Мир молодой, и перевозчик ему под стать... — ответил Нетот, но и сам задумался о том, справится ли дитё с лодкой, если даже их заметит. И пришел в сомнение.

В любом случае надо было искать способ переправиться. К счастью, в этот миг Красный всадник на красном коне проплыл по небу, выглянув из-за облаков. Он повел глазами, увидел Нетота с друзьями, глаза его распахнулись от удивления, словно он уже никогда не ожидал увидеть Нетота живым, и он так засмотрелся на них, что забыл пригнуться, въезжая под следующее облако. Облако сбilo с него шапку. Шапка полетела вниз, и по всему небу заиграли огненные всполохи, словно в отдалении пролетела Жар-птица...

Нетот, глядя на всполохи, вспомнил слова Дивы про кольца у себя на руке и прикинул, кто бы из богинь мог ему помочь. Звезда и Луна не казались ему помощницами в преодолении огненной реки, а вот Солнце и его Сестра явно с огнем обращаться умели.

Он принялся тереть золотое колечко у себя на пальце, и, как только оно нагрелось, в небе появилось сияние и проявился прекрасный облик солнечной богини, будто она рас-

пахнула ставни. Солнцева сестра улыбнулась Нетоту, взгляделась в то, что происходит с ним и его друзьями, кивнула и сорвала несколько лепестков с цветка, который рос у нее на окошке. Ладонку с лепестками она поднесла ко рту и дунула на нее в сторону друзей.

Лепестки взвились, подхваченные ее дуновением, и закружились в небе. Большинство зацепилось за сполохи, оставшиеся после падения шапки Красного всадника на красном коне, но один, медленно кружась и качаясь из стороны в сторону, долетел до них и упал в огненную реку прямо возле берега. В небе он казался обычным, но вблизи оказался огромным, больше челна ребенка-перевозчика.

Ребенок, надо отдать ему должное, тут же оторвался от своей игрушки и начал тянуть к лепестку руки. Но шишок с Медведко прыжком оказались возле лепестка и вцепились в него, чтобы не унесло течением. Нетот же благодарно поклонился богине, помахал ей рукой, за что был награжден еще одной улыбкой, и небесные ставни закрылись.

Постояв несколько мгновений в переживании произошедшего чуда, Нетот собрался и велел друзьям забираться в лепесток. Его пугали размеры Медведко, но лепесток выдержал. Убедившись в этом, Нетот сломал три сухих деревца, оборвал с них ветки, сделав их шестами, передал друзьям и сам, оттолкнувшись от берега, прыгнул в лепесток. В общем, все как обычно делается, когда плывут на лепестке по огненной реке...

Лепесток отошел от берега, но дальше поперек реки не поплыл, замер. Видимо, пепел мешал. Нетот оттолкнулся сильнее своим шестом от берега, до которого еще можно было дотянуться. Лепесток легко подался и снова остановился, качаясь на невидимых волнах, которые тихо несли его вниз.

Нетот опустил шест в огненную жидкость и оттолкнулся ото дна. Лепесток еще подался в сторону середины реки и опять замер. Зато шест у Нетота загорелся. Он поспешно толкнул им еще раз, но едва достал до дна. Речка была глубока. После этого лепесток отодвинулся от берега дальше, а дно ушло еще глубже. А в руках у Нетота оказался огрызок шеста, полыхающий снизу, словно факел. Он с силой швырнул его в огненную жидкость, надеясь, что это как-то даст толчок лепестку, но лепесток даже не колыхнулся.

– Давайте грести, – сказал Нетот, жалея, что заготовил только три шеста.

Они попробовали грести и быстро остались без шестов, даже не достигнув середины потока. Их медленно несло по реке, а по небу, словно кусочки перовых облаков, так же плыли по огненным сполохам остальные лепестки...

Лепесток не пропускал жар прямо сквозь себя, но с боков защитить он не мог. Стало жарко, и Нетот снял кафтан, а потом и всю остальную одежду, кроме штанов. Медведко глядел на него с завистью. Лепесток, к счастью, в сковородку не превращался. Но ощущение было такое, словно их поставили в печку томиться в горшке ...

Тут на небе началось движение воздуха, и облака начало разгонять ветром. С ним и лепестки поплыли куда-то за облака.

– Вот бы и нам ветерок, – мечтательно сказал Медведко, лапой проводя по морде. С лапы дождем лился пот...

– Может, ты позовешь ветер? – повернулся шишок к Нетоту.

– Да! – подхватил Медведко. – Ты же вроде хозяин ветров?

– Был... – только и смог пробурчать Нетот, осознавая, как много из былых способностей не вернулось к нему.

Он невольно задумался о том, что скоро они все изжарятся и в этот раз улететь коршуном не получится, потому что он друзей не бросит. Так и будут жариться вместе... Тут ему пришло на ум, что он мог бы достать откуда-нибудь железное весло. Он не знал, существуют ли такие, но решил попробовать, сунул руку куда-то вбок и начал там перебирать пальцами, словно листая книгу возможностей. И действительно вдруг почувствовал, что рука ухватила какой-то металлический шест. Он выхватил его, и – о чудо! – это было весло, только не из железа, а из чего-то полегче!

– Живем! – крикнул Нетот и принялся грести.

И смог гребнуть раз пять. Но весло из неведомого металла так нагрелось, что обожгло руки. Нетот от неожиданности подбросил его вверх, оно упало на Медведко, и у того затрещала шкура, и запахло паленым волосом. Медведко от-

бил весло от себя и чуть не перевернул весь лепесток. Весло упало так, что лопасть торчала за бортом, и было видно, как она тает и капает светящимися каплями в огненную воду, где капли, искрясь, сгорают...

– Почему ты не можешь вызвать ветер? – спросил шишок, резким пинком выбивая остатки весла из лепестка.

– Ни малейшего понятия, как это делается... – ответил Нетот. – Видно, когда меня убивали, эту часть меня вырвали без следа... И даже Свет на ум не вернул этой памяти. Как будто у меня в самой природе моей нет такой возможности...

Эта мысль захватила его. Он задумался, что такое эта его природа, если из нее можно вырвать целый кусок, хранящий в себе какие-то свойства. Вот есть та часть, которая может собирать из вещества его тело. Есть такая, которая может строить разум... Значит, была такая, которая могла управлять ветрами? То есть воздухом? Или же не воздухом, а духами, живущими в воздухе?

Но если она была, то где она могла быть? В животе? В голове? За спиной, вроде крыльев? Чем я сейчас взаимодействую с воздухом? Легкими, грудью! Скорее всего, эта часть должна быть как-то связана с грудью, с горлом, с дыханием... Бабушка говорила: «Не свисти в доме, денег не будет!» Почему? Высвистишь деньги. Или Посвист выдует... Посвист – это имя старшего брата! – вдруг вспомнил Нетот. – А свист запрещался в доме...

– Почему в доме нельзя свистеть? – спросил он шишка.

– Не знаю, – ответил тот. – Я же не домовой!

– А ты когда-нибудь слышал, как свистят?

– Конечно! Мне всегда нравится, когда свистят. Это как-то манит! Если услышал свист, то обязательно посмотришь, кто свистит.

– То есть свистом можно приманить духов?

– И приманить, и заставить работать! – подтвердил шишок. – Я видел, как вихри попадают в неволю к колдунам, которые умеют свистеть.

Нетот начал дуть и свистеть:

– Так?

– Нет, – покачал головой шишок. – Так ты только обратил на себя внимание. Чтобы позвать, надо свистеть глубже, что ли... Чтобы сил сопротивляться не было!

И Нетот принялся свистеть, все усиливая и усиливая свой свист. И когда от жары стало совсем невыносимо, а звук прошел насквозь весь живот и вышел куда-то в промежность, в его груди словно распахнулись створки, и свист вдруг пошел из него с ревом, будто приближающаяся буря.

И в тот же миг верхушки деревьев по обе стороны огненной реки начали качаться от поднимающегося ветра, а через миг лепесток вздрогнул от удара первого ветерка...

Беличье гнездо

Видать, Нетота не зря звали Ветробоем в его прошлой жизни, ветер действительно начал бить по лепестку, это было не случайное ощущение или способ говорить. Ветер закружил вокруг них, словно отлетая и возвращаясь с ударами. И бил он все сильнее, так что вскоре лепесток помчался по водам огненной реки, все заметнее приближаясь к противоположному берегу.

Ветерок к тому же казался им еще и прохладным, так что друзья подставляли ему свои тела, ощущая, что спасены. Правда, лепесток от этих ударов начало кружить, но это они готовы были перетерпеть. Было видно, как младенец в челне наблюдает за ними и губы его капризно гнутся, будто у него отняли игрушку. Но с каждым поворотом он становился все меньше, потому что их сносило все дальше по течению.

А затем река повернула, и челна с ребенком не стало видно, зато, к их огромному удивлению, появился горбатый каменный мост, коромыслом перекинувшийся через реку. К его основанию ветер и прибил их судно. Ну почему мы постоянно прекращаем усилие, не дойдя до победы всего несколько шагов?! Обидно было почти до слез...

Они молча выбрались из лепестка и полезли на крутой берег. Медведко-Иванко прихватил и лепесток с собой. Нетот хотел велеть ему бросить лепесток, но подумал и не нашел

доводов, почему надо прекратить это усилие, кроме того, что оно казалось лишним... Однако позыв не делать лишних усилий был таким сильным, что ему пришлось придумать, что под такой ракушкой удобно будет укрываться от дождей. Только тогда что-то в нем смирилось с ненужной тратой сил.

Они поднялись и обнаружили, что их встречают.

Возле моста росло огромное дерево, под деревом были разложены скатерти, на которых лежала еда, включая огромную миску колдунов, какие Нетот ел у Белки-Летяги в бытность ее деревенской колдуньей. На середине моста сидел огромный котяра с алебардой и глядел вдаль, словно ждал кого-то с той стороны.

Если это был один из тех котов, что жили у Белки в домике, то он очень сильно вырос. Гостей он между тем проморгал, возможно, из-за шума ветра или же потому, что коты для сторожевой работы не годны...

Зато белка, резвившаяся в ветвях дерева, не пропустила их, выстрелила себя из кроны, пролетела через шедшую от моста дорогу, зависла над землей и превратилась в прекрасную статную женщину, изящно приземлившуюся прямо перед Нетотом. Стати у нее были примечательные, но, видно, жизнь богиней была целительна, и все лишнее дородство ушло. Она была стройной и молодой.

Нетот поклонился и, не узнавая себя, протянул руку, взял руку богини и поцеловал ее:

– Мадам, теперь я понимаю, почему женщины так стре-

мятся стать богинями! Вы выглядите потрясающе!

– Вот проказник! – захихикала она узнаваемо, так что Нетот понял, что кума Лешего никуда не делась и живет внутри этой великолепной оболочки. – Будешь так говорить – превращу тебя снова в кобеля, и будешь меня сторожить. От этих вон, – мотнула она головой в сторону кота, – никакого проку!

– Мадам, – снова поклонился Нетот, с удивлением наблюдая сам за собой, – возможно, я счел бы это за счастье! Но пока долг гонит нас! Позвольте представить вам моих друзей! Впрочем, этого вы должны помнить! – показал он на шишка, который тут же принялся кланяться. – А это Медведко-Иванко, по пояс человек, а от пояса медведь!

Медведко взрыкнул, согнулся в пояснице и протянул Белке свой лепесток.

– Ой, что это? – всплеснула она руками. – Цветочек! У меня таких нет! А как вы думаете, он отродится, если его в воду посадить? У меня как раз есть озеро для таких цветов! Ни у кого не будет лучше! – и она чмокнула медведя в нос.

Медведко засмутился, повернулся к Нетоту и взглядом спросил, что ему делать. Нетот развел руками:

– Тебя богиня поцеловала! Я бы не мыл больше это место!

Белка засмеялась так громко, что даже кот наконец услышал, обернулся, увидел гостей и, волоча за собой алебарду лапами, которые совсем не были для этого приспособлены,

помчался спасать хозяйку. Но узнал Нетота, выпустил алебарду из когтей и превратился в обычного кота, который рад старому знакомому. Подбежал, встал на четыре лапы и принялся тереться об ноги Нетота, задрав хвост и мурлыкая. Размерище у него, правда, был такой, что Нетота он сваливал, и гладил его Нетот, почти не наклоняясь.

— Как подрос!

— Еще немного, и до начальника таможни дорастет, вишь, пузо какое! — усмехнулась Белка. — Мне бы над ними всеми голову толкового поставить! — и она покосилась на Медведко.

Медведко намека не понял, зато понял Нетот и вмешался:

— Пока наш долг не позволяет отвлекаться, нас ждет поход. Но поход — это такое длинное время, за которое можно многое продумать! К тому же уставшему от подвигов и битв герою всегда нужно знать, что где-то есть место, которое его ждет...

— Да уж, вы продумайте, продумайте... — покивала она и толкнула коленом кота. — Ну, угощай гостей! А что это у тебя с глазом?

Нетот потрогал повязку и развел руками, мол, вот так случилось.

Кот бросился разбирать корзины со столовыми приборами и накладывать яства по тарелкам. Несколько ворон и галок принялись ему помогать, раскладывая ложки и ножи. Путешественники расселись и принялись подкреплять-

ся. Нетот, которого волосяной поясок, подарок богини, лишил чувства голода, ел мало, шишок тоже был щепетилен и лишнего не ел. Зато Медведко-Иванко порадовал хозяйку, как настоящий богатырь, уминая все подряд, так что она не переставала им любоваться, временами приговаривая:

– Воевода! Прирожденный воевода! Богатырь среди моих мелких божков!

Нетот удивленно вскинул бровь, и она покивала ему:

– Вот так вот! Сама не сразу сообразила, что я теперь живу исключительно в окружении богов! Все эти лодыри и приживалы, которые прискакали за мной в этот мой новый мир, тут мгновенно стали богами! И хорошо, что ты мне уточку с селезнем принес! Эти самые умненькие, не то что эти хитрецы!

– А простых людей... или, там, существ, нету?

– Пока не завелись! Хотя какие-то проходимцы иногда как-то забредают. Как пробираются?! Вроде один путь через мост, а ведь как-то просачиваются... Вот недавно белый рак в озере объявился... Я терплю всех. Если по дороге что любопытное прихватите, тащите ко мне, тут пока для всех место есть, да еще и прибывает постоянно... Мир еще расширится.

– Может, Крука попросить залететь, чтобы он твоих ворон поучил? – спросил Нетот.

– По гроб жизни благодарна буду! Пусть прилетит. И поучит, и поживет! Я и сама бы у него поучилась. Это же такой

ужас жить в мире, где еще ничего не установилось и ты за все отвечаешь! Одна! Мать богов! Хорошо хоть я все последние годы в избушке вдали от людей жила, привыкла так жить!

– А что тебе еще надо? – спросил Нетот, проникшись неожиданными страданиями богини целого мира.

– Может, ты чего сломаешь тут у меня? Ну, скажем, так вдаришь ветром, что скалу какую-нибудь закинешь куда-то, или деревья повырываешь с корнями и завал устроишь?

– Зачем?

– Мы потом это место будем звать Ветробоевой засекой! И скалу камнем Ветробоя назовем, и будем рассказывать предания о том, как на ней бог ветра сидел в начале начал и думал грозные думы!

Нетот поперхнулся, задумавшись о такой перспективе, и смог ответить только односложно:

– Я подумаю...

– Да, знаю-знаю, вас долг зовет. У меня вон тоже долг – деревья сажаю, – она раздала воронам и галкам орешки и желуди, и те разлетелись веером по миру. – Пусть озеленяют! Я же Белка, хоть и Летяга, но не птица, мне деревья нужны, чтобы летать. Вот дорожку к тому месту, куда вам надо, – она показала рукой в ту сторону, куда Нетот собирался идти, – я давно просадила. Туда я вас легко провожу...

– Тогда пойдем?

– Пусть сначала твой Медведко мне солнечный цветок в озеро посадит! – потребовала Белка.

– А приживется?

– Я разве не богиня в своем мире?! – возмутилась она. –

Смотри!

И действительно, огромный лепесток за время их беседы дал крошечный побег, а снизу побега висело три тоненьких белесых корешка.

Межмирье

Ради такого дела – посадки солнечного цветка – Нетот задержался у Белки. Они бережно отнесли лепесток с ростком к озеру, на берегу которого вздымались белые скалы, на которых стоял ее замок. Медведко нес лепесток ростком вперед на голове, осторожно придерживая лапами за края. Белка успела пару раз проворчать что-то по поводу его негибких пальцев, и поэтому он очень старался не повредить росток или не задеть им за что-нибудь...

У озера Белка задумалась, потом показала на отмель сбоку от скал:

– Вот здесь сажать будем. Здесь создам такой пруд, где все отражается...

– погоди, – остановил ее Нетот. – Может, что-то важное для твоего мира создать придется. Не трать силы зря...

– Мой мир! – капризно ответила она. – Хочу, чтобы у меня под окошком цветник был. Чтобы мне любоваться, когда просыпаюсь!

Медведко тут же задрал голову в сторону замка и заурчал.

– Чего ты рычишь? – спросил Нетот.

– Я не рычу, я пою, – обиженно ответил Медведко.

– Поешь? – подивились сразу и Нетот, и шишок. – Что-то ты раньше не пел...

– Слушай, – посоветовал Нетот, – ты не пой Медведком,

ты пой Иванком, у тебя лучше получится, – и тем погрузил медведюгу в глубокую задумчивость.

Между тем Белка велела Медведко опустить лепесток в воду хорошо прогретой отмели, покосилась на мужиков, подхватила свои длинные юбки и подняла их выше колен, чем заставила Медведко засопеть, будто он собрался лезть на дерево за ульем, и принялась топтаться в воде, подымая ил вокруг лепестка.

Она ходила кругами, закручивая воронку в воде, и приготавливала что-то весьма мелодичное. Медведко вдруг залез в воду и принялся ходить следом за Белкой на задних лапах, подпевая ей. Она сначала удивилась, вскинула брови и прислушалась, но, как ни странно, получалось у него похоже. И так они вдвоем ходили вокруг лепестка до тех пор, пока Белка не сказала:

– Все! Принялся! Иванко, принеси-ка колышек, воткни тут, чтобы его у нас с тобой ветром не снесло.

Иванко потрусил в лес и вернулся с целым сухим деревом, сломанным у комля! Белку это ужаснуло, но, поскольку старательный медведюга умудрился жердь воткнуть в ил возле лепестка, она ничего говорить не стала, а пригласила Нетота побывать у нее в замке и там потрапезничать перед походом.

Нетот вежливо отказался. Тогда она заявила, что голодными гостей все равно не отпустит, и велела набежавшим из замка сильно подросшим котам тащить угощения прямо сюда, на берег. Коты узнавали Нетота, терлись о его ноги, мур-

лыкали, как обычные кошки, но тут же подымались на задние лапы и бежали в замок так, чтобы руки, то есть передние лапы, были свободны. И тут же возвращались со скатертями, подушками и корзинами со снедью.

– Мадам, у вас прекрасно вышколенные слуги! – оценил их работу Нетот. – Вам бы их еще приодеть в ливреи, так прямо от людей и не отличить!

– Одеть! – воскликнула она. – Как же я сама-то не додумалась! Одеть, и чтобы все сразу узнавали, что это не просто так, а дворцовая челядь!

– Могу порекомендовать одного прекрасного портного, но он живет в Подоблачной!

– Я надеюсь, однажды какой-нибудь галантный кавалер предложит даме ручку и пригласит прогуляться в соседний мир! – покосилась она на Медведко. – И мы там закажем одежду для всех, кто живет в замке!

Медведко снова засопел, пряча глаза от друзей и делая вид, что смотрит в сторону. Он явно не знал, что сказать, и сказал первое, что попало ему на глаза:

– А можно я пока еще одно деревце посажу?

И тут все увидели, что сухое дерево, что он воткнул в ил возле лепестка, дало зеленый росток...

– Однако, богиня, – вскинул брови Нетот, – а ты и вправду стала богиней... Похоже, у тебя дар! Я потрясен...

От его слов богиня этого молодого мира засмушалась и тут же принялась собираться провожать их...

Весь путь до того места, куда когда-то ушли Леший и Конек-горбунок, действительно был усажен крупными деревьями, по которым Белка, принявшая облик пушистого зверька, перелетала, словно мохнатая птица, забегая вперед и дожидаясь, когда гости догонят ее. Весь ее мир был полон трав, цветов, ягод и деревьев, в которых скрывалось множество мелкой живности, доверчиво тянувшейся к богине и ее гостям.

Так дошли они до мест, где, однако, обилие растительности истощилось, травы перестали быть такими густыми, деревья росли реже, а на земле вдруг проступила дорожка, на которой угадывались даже следы колес. Это было неожиданно в таком месте. Нетот принялся изучать эти следы и не сразу заметил, что Белка исчезла. Он поднял глаза, осмотрел ближайшие деревья, Белки не было.

Она стояла позади них, снова обрета женские стати, и глядела вслед. Они остановились и помахали ей руками и лапами. Она помахала в ответ, отвернулась и смахнула что-то со щеки...

– Предел ее мира, – тихо сказал шишок.

– Но ты прошел дальше? – спросил Нетот.

– Да, немножко прошел. Это та дорога... Но это уже...

– Межмирье, – закончил за него Нетот. – Пошагали.

И они пошли дальше. И шли довольно долго.

Какие-то твари начали на них охотиться, скрываясь в ку-

стах и траве. Нетоту никак не удавалось рассмотреть, что это за звери их преследуют. Но, судя по размерам, особо опасными он их не ощущал. Однако постепенно их становилось все больше, и по ночам они начали подбираться совсем близко к их костру, сверкая из темноты глазами.

Несколько раз Нетот стрелял, надеясь напугать зверей. Но они, судя по звукам, тут же набрасывались на раненых и сжигали их, издавая лай и визги, словно дрались между собой. Никто из известных Нетоту зверей так себя не вел... Пришлось постоянно быть наготове, ожидая нападения.

Между тем Нетот все пытался разглядеть отличия межмирья от тех миров, в которых ему доводилось бывать. И с удивлением осознал, что повидал совсем не мало разных миров, но что еще удивительнее, знакомы ему и межмирья!

И он даже знал, что ожидать. И когда наезженная в другом, человеческом мире дорожка, которую вырвало вместе с землей во время творения, растворилась в межмирье, а шишок больше не мог вспомнить направление, Нетот поднял голову к небу и искал глазами узнаваемые черты всадников.

Но Красный всадник на красном коне как раз спустился за край земли и не смог дать ему подсказок. Поэтому они еще какое-то время шли наугад, пока не появился Бледный всадник на белом коне и не поприветствовал Нетота. Он явно был рад, что Нетот жив и не пропал, и улыбался широко и добродушно, пока не посмотрел на дорогу, которой они

шли. Тут по лицу его проскочил ужас, и он на мгновение замер в небе, выставив вперед ладони, будто хотел от чего-то закрыться.

Друзья осмотрелись, но ничего страшного не увидели. Видимо, зверья вокруг собралось много, подумал Нетот и приготовил ружье. Бледный всадник между тем продолжал выказывать крайнее беспокойство и махал им руками, чтобы они уходили.

– Уходим? – спросил Нетот друзей.

– Уходим! – откликнулись они. – Бежим, пока не поздно!

– А куда? – спросил Нетот.

– Наверное, назад... – неуверенно ответил шишок.

– Тогда зачем мы шли? – спросил Нетот.

– Может, вбок пойдем? – предложил Медведко.

– В какой?

– Пошли сюда! – показал он в одну сторону.

– Или сюда, – предложил шишок.

– Куда нам? – повернулся Нетот к Бледному всаднику.

Но тот только замахал руками и скатился за край земли, а на другой ее стороне появился Черный всадник на темном коне, и с ним стало темнеть. Когда появляется Черный всадник, всегда темнеет. Но в этот раз темнота была необычной. И даже шишок настороженно принимался к ней, будто она имела свой запах. Звери вокруг них взвыли, будто готовились к броску.

В темноте они совсем потерялись, а поскольку дороги под

ногами не было никакой, то и совсем не знали, в каком направлении идти. Но тут Нетот разглядел в стороне какой-то свет.

– Ну что, идем туда?

– А если это дом людоеда? – спросил Медведко-Иванко.

– А мы люди? – спросил Нетот.

Этот неожиданный вопрос привел всех троих в замешательство, и даже ружье в руках у Нетота задрожало, словно хихикало.

– Ну, я бы очень хотел... – тихо пробормотал Медведко.

– Ты знаешь, я тоже хотел бы, – признался Нетот, – я даже пробовал... Но я пока не смог понять, что значит быть человеком!

– Тогда идем на свет! – предложил шишок.

– Ты считаешь, что люди пошли бы на свет?

– Люди всегда идут на свет!.. А звери на свет не идут.

И друзья пошагали из темноты в неведомое, а воющие твари действительно держались позади, словно эта тьма пугала и их.

Кладбище первовиновников

Наступившая тьма была как-то необычно густа. И даже не воздух, а она сама словно была влажной и немного затхлой. Проблески света впереди делали ее только страшней, потому что в ней самой света не было совершенно. Они брели, постоянно спотыкаясь и налетая на камни и ветви, проваливаясь во все возможные ямы, чего Нетот не мог припомнить за собой ни по одной ночной охоте.

Даже в самую темную ночь без луны и звезд лес словно полон света, как будто свет живет в воздухе или его лют глаза охотника. А здесь тьма была мраком, в котором нет ни искорки, ни отблеска света. А тот свет, что впереди, казался нарисованным...

При этом мрак будто шевелился, гулял, как если бы ветер гонял его, словно туман. Но ветра не было. Мрак жил своей жизнью. Причем жизнью опасной и даже, быть может, хищной. В какой-то миг твари, судя по звукам, попытались обойти их сбоку и вдруг взвыли, как если бы их охватил ужас. В следующий миг вой промчался мимо друзей. Похоже, тварей подняло в воздух и утащило куда-то вперед. Остальные тут же отстали, вой удалился, а друзья пошли еще осторожней.

Только благодаря способности видеть будущее Нетот учуял, что они подошли к краю пропасти. Он остановил всех,

встал на колени, принялся шупать впереди рукой и действительно обнаружил провал. Он нащупал под ногами камушки, благо почва была каменистой, и покидал их сначала вниз — было очень глубоко, потом вперед, и по звуку камней, попадающих в противоположную стенку, они поняли, что провал не широк, но перепрыгнуть не удастся.

Медведко пробормотал что-то о том, что было бы здорово свалить сухое дерево, чтобы оно легло через провал. Но деревьев не было. Не было вообще ничего, будто языки мрака, утащившие тварей, вылизали все на этой стороне пропасти. Друзья на ощупь тихо передвигались вдоль по обрыву, надеясь, что через него может быть мост, как через огненную реку. Но ни моста, ни каких-то признаков жизни не было.

Хуже того, с почвой у них под ногами начало твориться что-то неприятное. Она словно стала зыбкой, оставаясь каменистой. Они остановились и замерли, боясь вызвать обвал. И в тот же миг густой язык мрака слизнул их с обрыва и перетянул на другую сторону пропасти. А там уронил, словно они были для него тяжеловаты. Нетот опять набрал камней и принялся кидать на ту сторону, откуда они перебрались. Однако камушки не дали звука, словно та часть мира исчезла...

Покачав головами, они направились в сторону света. И скоро обнаружили, что светятся макушки каменных плит, торчащих из земли в беспорядке, как им показалось вначале. Блуждающие огоньки бегали по макушкам, и не было никакого жилища, где ждал бы их приют... Или хотя бы людо-

ед. Плиты же, как стало видно, охватывали кругом особенно темное место.

– Как-то это все на кладбище похоже... – сказал Нетот. – Надгробья какие-то...

Но шишок только покачал головой:

– Что-то мне кажется, это еще не кладбище... Не все кладбище...

Видно, он что-то знал про подобные места, потому что вскоре они увидели в том сумеречном свете, что давали бегающие огоньки, что плиты стоят огромным кругом, а посередине в темноте висят, как невесомые, большие камни. Размером они были разные. Некоторые с кулак, другие огромные. На ощупь неровные и словно бы потрескавшиеся или покрытые неровной кожурой вроде грецкого ореха.

То ли гул, то ли тоскливый стон шел от них... Камни будто плакали. И было их много, очень-очень много...

Нетот попытался потрогать небольшой камушек, висевший с краю, и не смог сдвинуть его с места. Точнее, камень словно сопротивлялся усилию, даже дрожал, но сдвинуть его не получалось. Это выглядело противоестественно...

– Идемте отсюда, – тихо прошептал Медведко. – Не нравится мне тут...

Друзья начали тихонько пробираться между плит, чтобы выбраться из этого круга, но выбраться оказалось непросто. У Нетота ожило на плече ружье. Он прикинул его к плечу и тут же понял, что вокруг круга из плит движется что-то

живое. И было его много, словно какие-то существа подтягивались и подтягивались к каменным плитам.

Сначала показалось, что это воюющие твари с той стороны пропасти, но эти были безмолвны и гораздо крупней. Друзья остановились и приготовились к драке, но существа не приближались, их даже не удавалось рассмотреть. Они метались снаружи каменного круга, словно вход внутрь им был закрыт.

– Кто хоть это? – спросил Нетот.

– Не знаю, – ответил шишок, – но не люди. Больше всего похожи на чертей... Или даже хуже! Навьи, наверное...

– Час от часу не легче!

– Похоже, камни их внутрь не пускают... Возможно, они не смогут до нас добраться.

– И что делать? Здесь, что ли, сидеть?

– Может, с той стороны выход есть? – показал Медведко на висящие в воздухе камни.

Они пошли вокруг, непроизвольно прижимаясь к каменным плитам, чтобы не прикасаться к плачущим камням. По мере того как они двигались, бродячие огоньки стягивались ближе к ним, и постепенно стало видно, что по ту сторону плит движутся крупные существа, действительно похожие на чертей, но гораздо больше и сильнее.

– Черти-то сильны, не знаю как, а что же эти-то могут, подумать страшно! – вырвалось у Нетота.

Друзья только вздохнули.

Никакого выхода с другой стороны они не нашли. Плиты, похоже, держали это место в плотном кругу. Навьи же все прибывали снаружи и вели себя так, что надежды разойтись с ними мирно не было.

– Ну что, попробуем прорваться? – спросил Нетот и приготовил ружье.

Никто не выразил согласия и не отказался. Выхода не было, надо было пробовать.

Они потихоньку начали пробираться между плитами к внешнему краю каменного кольца. Навьи, или кем уж были эти твари, заметались сильнее, и одна из них попыталась дотянуться до Медведко когтистой лапой. Нетот выстрелил, и тварь отбросило так, что она кубарем покатила в темноту. Шишок в это время ударил в другого черта белым разрядом. Тварь занялась огнем, завизжала и принялась кататься по земле.

Однако через несколько минут обе раненые твари поднялись и хоть и были явно искалечены и держались чуточку подале, но подышать не собирались... Это оружие их не брало. Нетот закинул ружье за спину и вынул меч. Надежда, что меч сработает, была слабой, и он почувствовал, что внутри его тела начинается дрожь, как перед преобразованием.

Удивительно, но меч дрожал очень сходно, только еще искрился красными всполохами. Нетот позволил ему действовать, и меч мгновенно отрубил несколько тянущихся к Нетоту когтистых лап, и отрубил так, что твари начали истекать,

правда, не кровью, а словно бы черным огнем или густой мглой!

Истекать и подыхать, падая возле каменных плит.

Нетот достал из запястья меч левой руки и дал его шишку. И короткий клинок тут же заискрился всей поверхностью.

– Прикройте-ка мне спину, – сказал он друзьям и пошел вдоль края каменного круга, оставаясь за последними плитами. Он шел влево, так что меч в правой руке торчал наружу и короткими движениями отсекал то, к чему дотягивался. Демоны визжали, бесновались, но падали и умирали, поливая землю своей огненной кровью. От этой крови земля спекалась и становилась похожа на черное стекло.

Неизвестно, сколько бы длилась эта странная битва, потому что к врагам постоянно прибывали подкрепления. А через какое-то время появился вдруг в сопровождении особо страшных бесов их Повелитель, возвышавшийся на несколько голов над прочими тварями, которые и сами были не мелкими. На несколько голов он возвышался не в смысле высоты, а в том смысле, что у него этих голов было несколько.

– Сейчас начнется? – спросил Нетот, перехватывая меч левой рукой, чтобы дать отдохнуть правой.

– Похоже... – отозвался шишок. Медведко только сопел, потом внезапно сказал:

– Надо мне руки отращивать... С когтями шибко неудобно...

Друзья недоуменно посмотрели на него.

– Белка сказала, надо руки отращивать... – смущенно повторил Медведко.

– Ладно, – отвернулся Нетот, – рубка так рубка! Дай-ка мне второй меч! – и перехватил свой меч правой рукой, глядя, как Повелитель бесов приближается к каменному кругу, сверкая горящими глазами.

Повелитель подошел близко и вперился в Нетота огненным взглядом. Они какое-то время стояли, не отводя взглядов. Нетот почувствовал, что в нем что-то начало набухать, из темени выбило несколько горячих капелек крови, и приготовился преобразиться. Словно почувствовав это, Повелитель демонов произнес:

– Я знаю, кто ты! У тебя нет права находиться здесь!

– Где это здесь? – спросил Нетот.

– На кладбище первовиновников! Это мое хозяйство, и я могу затребовать право войти в круг, чтобы изгнать тебя!

– А я не знаю, кто ты! И мне все равно, сколько с тобой придет.

– Он принадлежит мне по праву! Ты не получишь его, потому что у него больше нет возможности возрождения!

Эти слова озадачили Нетота, но он не подал вида, что не понял Повелителя демонов, и спокойно ответил:

– Хорошо, в этот раз я уйду, но я еще вернусь, ты знаешь!

– Нет, ты не уйдешь. Я знаю, что ты вернешься, и поэтому мы не выпустим тебя!

– Хорошо, ты сам избрал! – ответил Нетот и приподнял

мечи.

Навьи вокруг Повелителя завывали и принялись ярить-ся, рвать землю и плевать ядовитой слюной, заходясь в неистовстве. Девы битвы заматались вокруг смутными прозрачными призраками, заполняя пространство отвратительными воплями. Но битва не началась.

Внезапно Черный всадник на черном коне появился между ними, двигаясь по самому краю каменного круга. Он подъехал вплотную, отдал честь Нетоту, кивнул Повелителю бесов свысока и сказал:

– Я выведу их из этого мира.

– Ты хочешь их спасти, могучий! Это нарушает мои права! Здесь я хозяин! – взвыл Повелитель.

Черный всадник на черном коне засмеялся, и с ним засмеялся его конь:

– Погляди, – сказал он, раздвигая ладони, так что между ними засветился желтый шар света. – Я не спасаю их. Я выполняю приказ сверху. Там не хотят, чтобы это место осталось без защиты. Я спасаю тебя и твоих слуг...

Повелитель бесов взгляделся в шар, поник, повернулся и поплелся прочь. Недоумевающие навьи загудели, но он махнул им рукой, чтобы шли следом, и они побрели за ним.

– Следуйте за мной! – сказал Черный всадник на черном коне Нетоту и его друзьям, и молча поехал прочь от каменного круга.

– Кто такие первовиновники? – спросил Нетот.

– Умершие бессмертные, – не оборачиваясь, ответил он.

Три вопроса

– Я имею право на три вопроса, – сказал Нетот в спину Черному всаднику на темном коне, – мой второй вопрос: как мы попали на это кладбище?

– Никак! Вы никак не могли попасть сюда. Это место спрятано даже от богов. И вас там не было. Это событие будет вычеркнуто из Книги судеб, и никто и никогда не предъявит вам ни его, ни убийства стражей. Вас там не было, потому что не могло быть!

Шишок и Медведко-Иванко, кажется, не поняли этого ответа, а вот Нетота он потряс. Он не мог схватить всей глубины сказанного без той части себя, что звалась мудростью, но он чувствовал, что не может понять это по-настоящему. Все было в руках, все, что нужно для понимания, но не было нужной силы, словно этот кусок был большим стеклянным шаром и не входил в рот.

И он шел, глядя в клубящуюся тьму, что была спиной Черного всадника на темном коне, и так и этак пытаясь приладить свою способность понимания к сказанному. Молчание его затянулось, и даже привыкший пребывать в одиночестве Черный всадник не выдержал:

– Третий вопрос?

– Третий вопрос я придержу. Будешь должен.

– Так нельзя! – впервые потерял Черный всадник свое от-

страненное спокойствие и обернулся ужасным ликом к Нетоту.

От вида его Медведко даже присел и закрыл голову лапами, а шишок нырнул ему под пузо. Однако Нетот лишь рассмеялся:

– Попробуй нарушить закон трех вопросов!

– Ты уже нарушил!

– Я нарушил. А сможешь нарушить и ты?

Черный всадник вскипел и начал набухать, разрастаясь мрачной тучей с красными всполохами.

– Осторожней, – сказал Нетот, – а то выяснится, что тьма поглотила несколько миров, которые ей не предназначались.

Черный всадник зашипел, сдуслся и скачком ушел на небо, а оттуда прыгнул за край земли. В то утро ночь ушла раньше, но рассвет еще долго не наступал, потому что Бледный всадник на белом коне не знал, что ему надо поспешать. Время ночи без тьмы было подарено человеку, который считался одним из ветров, но в действительности лишь повелевал им.

И хоть повелевать ветром – еще не быть Великим богом, но этого достаточно, чтобы понять, какая это удивительная возможность – попасть в безвременье, пока находишься в межмирье! И Нетот не упустил ее. Он знал, что третий вопрос заставит Черного всадника ответить, но ответит он уклончиво, как все прорицатели, боги или стихии. Они все отвечают так, чтобы у спрашивающего была возможность не понять ответа.

Но вот его Время, Время тьмы без самой Тьмы ответит так, как нужно, чтобы у вопрошающего была возможность понять ответ. И Нетот прокричал свой вопрос вслед уходящей Тьме:

– Мой третий вопрос, который я задаю по всем законам вопрошания до того, как исчерпалось мое время: где мой правый глаз?

И Время тьмы, лишенное Тьмы, показало ему горные вершины, похожие на склонивших голову и пьющих воду коней, ущелье, из которого эти кони пили воду, древний лес и избушку между деревьями у самого склона. Из избушки выглянула старая женщина, словно в дверь постучали, никого не увидела, повертела головой, выглянула подальше, заглянула за угол, поджала губы и покачала головой в недоумении.

Но видно, была она непроста, потому что внезапно вскинула глаза и посмотрела прямо на Нетота. Ее голову охватывал обруч, в середине которого блестел огромный камень, который вспыхнул ярким светом, когда Нетот взгляделся в него. Но видение задрожало и схлопнулось...

– Теперь она знает, что ты идешь, – сказал шишок.

– Однако, – кивнул Нетот, – нам придется найти мир, в котором каменные кони пьют воду из ущелья...

– Одного коня я, кажется, нашел, – сказал в это время Медведко, и все увидели крошечную лошадку, бредущую по равнине далеко внизу, словно они стояли не на земле, а на облаке.

– Куда нас завел этот всадник?! – воскликнул шишок.

– Вот ведь она, щедрость богов! – засмеялся Нетот. – Они либо отвечают так, чтобы ты не понял ответа, либо отвечают понятно, но за то, что ты вынудил их дать такой ответ, они наказывают тем, что ты не можешь этим ответом воспользоваться... У меня болтается в сознании воспоминание, не помню откуда, как одна девушка добилась от бога, чтобы он наградил ее даром предвидения... Но сама от него сбежала. Так он наградил, но сделал так, что люди ей не верили...

– Это ты к чему? – простодушно спросил Медведко.

– К тому, что Черный всадник завел нас в место, откуда нет выхода.

– Почему? – удивился Медведко. – Он же нас спасал!

– От кого?

– От этих чертей.

– Он спасал кладбище. И он спасал навий, чтобы я их не перебил.

– Зачем?

– Подозреваю, они вместе... И это его навьи, это звери тьмы. Но ими он мог и пожертвовать, а вот раскрыть путь к кладбищу он не мог. Нас он увел, кладбище цело. А мы теперь, похоже, в месте, откуда нет выхода... Тайна будет сохранена.

Нетот приказал Медведко следить за маленькой лошадкой далеко внизу, а сам вместе с шишком быстро обежал место, где они оказались. Они находились словно бы на горном

плато, висящем, подобно каменному острову, между небом и землей.

– Не нравится мне это, – пробормотал шишок. – Помнишь, как пропала земля позади нас, когда нас перенесло к кладбищу?

– Вот и я о том же. В любой миг можем оказаться в преисподней.

– Особенно когда появится Бледный всадник...

Нетот снял ружье и подбросил его вверх:

– Птица, ты мне нужна!

Ружье словно взорвалось, Птица Рах с треском развернула свои крылья, повиснув в воздухе перед ними и издала боевой клич:

– Поспешим!

– А почему мы не могли на ней перелететь огненную реку? – спросил Медведко, забираясь Птице на спину вслед за друзьями.

Нетот с шишком переглянулись с глупым видом, Нетот покашлял и перекинул вопрос Птице:

– Птица, почему мы на тебе не могли переправиться через огненную реку?

– Так мир же молодой там, я бы его не нашла, – спокойно ответила Птица Рах.

– Как не нашла? – удивился Медведко. – Он же прямо за рекой был!

Тут уже Птица с недоумением посмотрела сначала на

Медведко, а потом на Нетота:

– Это он для тебя за рекой был. А для меня он был за временем. Ты что, считаешь, что это обычная река?

– Ну да... Только огненная...

– А ты много огненных рек видел?

– Нет вообще-то...

– Это же река забвения, Забыть-река... Они текут между мирами, чтобы приходящие в миры теряли память, когда приходит их время. Ты ведь не помнишь, кем был в прошлых жизнях?

– Не-е...

– Это для глаз она просто река, за которой виден другой берег. А для меня она неизвестно где, неизвестно, в каком времени, и не видно, куда лететь! Кстати, куда лететь?

– Вон, лошадку внизу видишь? – показал Нетот пальцем.

И вовремя показал, потому что каменистое место, где они были, вдруг с воем ухнуло во тьму, и только то, что Птица не стояла на нем ногами, а висела в воздухе, не увлекло их следом.

Бледный всадник на белом коне появился из-за дальнего края земли и поприветствовал их улыбкой. Бледный всадник всегда следует за Черным всадником, но никогда не видит того, что творится в темноте, потому что убирает темноту из мира, а с ней убирает и все, что в ней происходило до него...

Внутри взрыва

Они не улетели в пропасть вместе с тем огромным камнем, на который их завел Черный всадник на черном коне, потому что эта глыба ухнула не вниз. Бездна окружает нас, она поджидает нас в любом направлении. И поэтому в нее можно ухнуть, просто прислонившись не к той стенке...

Падение этого камня было исчезновением из мира, а потому страшнее любого взрыва. Из межмирья, где они оказались, вдруг вырвали кусок, словно сделали огромную дыру в сущем. И все взметнулось, так что сущее завопило, словно сквозь его тело прошла навывлет огромная пуля.

Как сущее заживляет такие раны, неведомо. Но оказавшийся внутри такой беды должен очень постараться, чтобы не исчезнуть из существования. Их подхватило потоками того первовещества, рассеянного в Хаосе, из которого создаются все вещи нашего мира, включая даже богов, и увлекло в непредсказуемое движение. Нельзя сказать, что это были воздушные потоки, потому что временами они вдруг ощущали, что им нечем дышать, и это пугало, особенно Медведко, который к подобным странностям мира не привык. Эти потоки были почти неосязаемы, но гораздо больше походили на воду, чем на воздух...

Птица при этом спокойно то махала крылами, то планировала, и даже тяжесть медведя ее не смущала. Нельзя ска-

зять, что она была так уж огромна, но стоило ей подняться на крыло, как вокруг нее словно бы менялись законы физики. Она действовала подобно математической формуле или условиям задачи: из пункта А в пункт Б вышли трое, сколько должно быть доставлено в пункт Б? Формуле все равно, сколько весят грузы, которые должны быть доставлены!

Вот и для Гаруды ответ всегда был прост: севшие к ней на спину попадали внутрь скобок и больше не имели физических характеристик, поэтому в ответе всегда было: в пункт Б будет доставлено столько, сколько вошло в скобки. И их вес не имеет значения! Только количество единиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.